21 ЯНВАРЯ 1924 ГОДА УМЕР ВЕЛИКИЙ ВОЖДЬ МИРОВОГО ПРОЛЕТАРИАТА В. И. ЛЕНИН

ПО ЗАВЕТАМ ЛЕНИНА, ПОД РУКОВОДСТВОМ ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ И ЕЕ ЦК ВО ГЛАВЕ С т. СТАЛИНЫМ МЫ ПОБЕДОНОСНО СТРОИМ СОЦИАЛИЗМ!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган Федерации об'единений советских писателей РСФСР

МОСКВА 22 ЯНВАРЯ 1932 г. № 4 (173)

РЕДАКЦИЯ: Москва, Тверской б. 25, Дом Герцена. Телефон 2-80-12.

ИЗДАТЕЛЬСТВО: Журнально - газетное об'единение: Москва, 6, Страстной бульвар 11. Телефон 5-51-69.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА НА 1932 г.
На 12 м. 3 р. 60 к.
На 6 м. 1 р. 80 к.
На 3 м. — р. 90 к.

Литература должна стать партийной. В противовес буржуазным нравам. В противовес буржуазной индивидуалистической, торгашеской печати, в противовес буржуазному литературному карьеризму и меркантилизму. «Барскому анархизму» и погоне за наживой социалистический пролетариат должен выдвинуть принцип партийной литературы, развить этот принцип и провести его в жизнь в возможно более полной и цельной форме.

ЛЕНИН т. VII ч. I. «Партийная организация и партийная литература»

ЛИТЕРАТУРА ДОЛЖНА СТАТЬ ПАРТИЙНОЙ

ЗА ЛЕНИНСКУЮ ТЕОРИЮ В ЛИТЕРАТУРЕ

Восемь лет без Ленина. Восемь годовых этапов прошла наша страна с тех пор, как умер гениальнейший вождь мирового пролетариата.

Все эти годы партия Ленина неизменно и неуклонно вела страну по ленинскому пути путем победоносного социалистического строительства. Под руководством ленинского ЦК, лучшего ученика Ленина т. Сталина наша страна уже в 1931 г. завершила построение фундамента социалистической экономики.

Третий, решающий год пятилетки закончен такими итогами, когда вопрос «кто кого» решен не только в промышленности, но и в деревне в пользу социализма.

Мы твердо уверены, что и в дальнейшем под руководством ленинской партии в 1932 г. наша республика пойдет по пути бурного расцвета социалистических производительных сил, культурного роста широчайших рабоче-крестьянских масс, по пути подъема материально-бытового уровня жизни трудящихся.

В самом деле, разве не величайшее завоевание Октябрьской революции, разве не победа того дела, за которое вся жизнь бился Ильич, что уже в 1932 г. наша страна станет страной поголовной грамотности. Превращение СССР в страну сплошной грамотности открывает огромнейшие перспективы культурного роста масс, небывалого роста знаний, расцвета науки, искусства. Начинает выполняться ленинский завет: «Превратить знания, науку в составной элемент быта».

За последние годы, параллельно росту нашего народного хозяйства, неуклонно росли и ширились наши успехи в области культурного строительства. За последние годы невиданно высоко выросли культурные запросы масс.

Разве те повышенные требования, которые предъявил пролетарской литературе шестимиллионный ленинский комсомол, не свидетельствуют о культурном росте, о повышении запросов нашей рабочей молодежи? А ведь это только одна из участков общего культурного под'ема трудящихся масс.

Все это наглядно доказывает правильность и последовательность проведения нашей партией указаний Ильича.

Но ликвидация неграмотности — это еще не овладение культурой, наукой в целом. Грамотность — первая ступень. СЕЙЧАС МЫ ПОДХОДИМ К ТОМУ, ЧТОБЫ ВЫПОЛНИТЬ ДРУГОЙ ЗАВЕТ ЛЕНИНА — ПРЕВРАТИТЬ ЗНАНИЯ, НАУКУ, ИСКУССТВО В СОСТАВНОЙ ЭЛЕМЕНТ БЫТА. И НЕТ НИКАКОГО СОМНЕНИЯ, ЧТО И ЭТА КРЕПОСТЬ БУДЕТ ВЗЯТА.

На базе гигантского размаха социалистического строительства, развития производительных сил — развивается культурная революция. Составной и неразрывной частью ее является искусство, литература. Мы являемся участниками выполнения ленинского завета: «Литературное дело должно стать частью общепролетарского дела» (Ленин). Это и поможет осуществить требования ленинской партии «СОЗДАТЬ МАГНИТОСТРОЙ ЛИТЕРАТУРЫ».

Под руководством т. Сталина партия разоблачила и будет разоблачать дальше троцкистских контрабандистов, льющих на Ленина, на партию и на руководство.

Надо по-новому, с точки зрения ленинской теории подойти к критике и пересмотру плехановских взглядов на искусство.

Надо решительно подвергнуть критике ошибочные положения Плеханова об объективном критерии красоты, оказавшие влияние на некоторые работы нашей марксистской критики. Надо вскрыть идеалистические, кантианские, механистические ошибки Плеханова. Выкорчевывая остатки дебориновских влияний, часто переплетавшихся с ошибочными положениями Плеханова в наших теоретических работах, вместе с тем надо УСИЛИТЬ борьбу со всякого рода механистическими теориями.

Решающее значение в борьбе за чистоту ленинской теории в литературе имеют марксистско-партийные кадры литературоведов и критиков. Предстоящее рапповское критическое совещание должно сосредоточить внимание на проработке ошибок рапповской критики, вытекающих из влияний, враждебных ленинизму теории «воспитания», перевоспитания, перековщины). Эта работа должна сопровождаться разработкой положительной программы, разработкой и применением к теории и на практике нашего литературного движения ленинских работ. Без этого невозможно теоретическое осмысливание практики литературного движения, без этого немыслима ликвидация отставания литературы от политики социалистического строительства.

Искусство и литература в нашей стране имеют огромнейшее значение, партия и пролетариат отдают им огромное внимание. Это показывается внимание выражается также и в том, что в литературе, искусству предъявляются высокохудожественные требования. Указания партии по необходимости более быстрых, более динамичных темпов в производственно-творческой перестройке литературы, в свою очередь выдвигают задачу усиления борьбы за ленинский этап в литературоведении, глубокое изучение ленинского наследства.

Сегодня нашим боевым, ведущим лозунгом должен являться лозунг ЗА ЛЕНИНСКУЮ ПАРТИЙНОСТЬ В ЛИТЕРАТУРЕ, ЗА ЛЕНИНСКУЮ ЛИТЕРАТУРНУЮ ТЕОРИЮ. Это и приведет к выполнению лозунга вождя мирового пролетариата: «Литературное дело должно стать частью общепролетарского дела» (Ленин). Это и поможет осуществить требования ленинской партии «СОЗДАТЬ МАГНИТОСТРОЙ ЛИТЕРАТУРЫ».

ИЗ АЛЬБОМА ХУДОЖНИКА ДЕЙНЕКИ

ИНСТИТУТ ЛИЯ — ЦЕНТР МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Институт ЛИЯ нашей своей задачей ставит разработку ленинского наследства в области литературы и искусств. В плане этой задачи была научно разработана ленинская постановка о партийности, и на этой основе была подготовлена и проведена в жизнь критика троцкистской критики «внеклассового» подхода к вопросу о народничестве. Затем было развернуто ленинское наследство о толстом. В литературных работах и докладах ИЛИ велась борьба за ленинскую, а не троцкистско-меньшевиствующую оценку его. Большими своими достижениями считает ИЛИ развернутую критику, которой была подвергнута в ряде докладов и работ ИЛИ теория и литературная практика в области искусства и искусств.

Еще более важной нужно считать работу по изучению национальной культуры народов СССР. ЛИЯ развила и сейчас в значительной степени заканчивает специальное задание (в среднеазиатском, в Закавказье, Украине). Работы этих последний периода составят ценный материал для дальнейшего труда (по которому, который должен развернуться в научно-боевую работу «КУЛЬТУРА, ПАРТИЯ, ЛЕНИН ПО ВОПРОСАМ ЛИТЕРАТУРЫ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ПО СОДЕРЖАНИЮ».

На ряду с этим, Институт намечает на ближайший отдельный этап проработки литературы. Это должно стать результатом, которое ляжет ИЛИ в дискуссии между «КОМСОМОЛЬСКОЙ ПРАВДОЙ» и РАПП. Эта дискуссия была неправильно принята и исправлена. Непонимание было в том положении, когда Институт ЛИЯ занял иную точку зрения, чем ее принимает в РАПП. Это положение Института выправляет, исходя из РАПП развернуть самокритику и перестраивается.

В свете письма т. Сталина о работе ЛИЯ была обнаружен ряд ошибок и промахов. Так, например, неправильна была постановка некоторых докладов (Фадеевича и др.).

Задачей ЛИЯ в 1932 г. является обобщение политических работ (в частности, монография о партлитературе), дальнейшая разработка марксистско-ленинского наследства в области литературы, печати и искусства и дорог рецензирования и т. д. Институт будет практиковать, как и в прошлом году, организацию широких научно-творческих совещаний по вопросам пролетарской литературы и искусства, причем часть докладов и дискуссий намечено непосредственно на заводах и фабриках.

Учебная часть ЛИЯ перестраивается сейчас учебные программы, высвобождаются от них лишние предметы, вводятся дополнительные специальные семинары, которые будут проводиться по вопросам пролетарской литературы и искусства, причем часть докладов и дискуссий намечено непосредственно на заводах и фабриках.

Об всем этом рассказал в своем докладе (заведующий кафедрой Института ЛИЯ) тт. ЛУНАЧАРСКИЙ, ДЕЛАМОВ и СИТНИКОВСКИЙ на тему своей преподавательской работы.

Доклад о литературной и журнальной продукции ЛИЯ сделает тт. ФРИНОВСКИЙ, МЕТАЛЛИКОВ и УХАНОВЫЙ. Они сообщат, что после смены руководства Института и значительной перестройки ЛИЯ имеет новые и совершенно не политические задания, по капитальным вопросам, которые должны быть основой работы ЛИЯ, пока нет. В журнале ЛИЯ «Литературная учеба» печатаются первые марксистские работы членов ЛИЯ — исследователей. Тов. М. Лев-Зак сделает сообщение о новой кафедре пролетарской литературы, которая создается Институтом ЛИЯ. Цель создания кафедры — подготовка квалифицированных специалистов-преподавателей литературы, способных к литературной критике, к анализу художественного произведения.

Выводы президиума Комиссии тт. ЛАПИНСКИЙ отметил, что руководство ЛИЯ сделало ряд ошибок, в частности, не сумело своевременно критически подойти к работе РАПП. Об этом все получили ученый секретарь президиума т. ПЕТРОВИЧЕНКО, отметивший также недостаточно удовлетворительное качество научной программы Института.

Президиум Комиссии постановил выделить ассигнования из состава ЛИЯ и поставить вопрос перед соответствующими инстанциями вопрос о создании Института большевистских кадров.

КРИТИЧЕСКОЕ СОВЕЩАНИЕ РАПП ОТКРЫВАЕТСЯ 24 ЯНВАРЯ В 6 ЧАСОВ ВЕЧЕРА В КЛУБЕ ФОСП

Работа ощупью, работа в потемках, — такой удел практических работников, если они не изучают ленинизма, если они не стремятся овладеть ленинизмом, если они не желают сочетать свою практическую работу с необходимой теоретической подготовкой.

И. СТАЛИН. *Вопросы ленинизма. 1929.—«О задачах комсомола»*

БЕЗ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ТЕОРИИ НЕ МОЖЕТ БЫТЬ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПРАКТИКИ

Редакция «Литгазеты» обратилась к писателям с анкетой об изучении ими ленинских работ, без чего немыслимо их овладение марксистско-ленинским методом. Несколько ответов из печатаем сегодня и продолжим печатание их в следующих номерах газеты. Оценку печатаемых ответов даст редакция дня в дальнейшем.

Матэ Залка

Как я вооружаюсь ленинской теорией, видно, подтверждает, что я более как ей, со времени в своем литературном отношении правильно трактовал вопрос. Чудом творчества? Надо сказать прямо: лучше пособие, прекрасное средство к открытию, что у меня хромает синтезировать полностью ленинскую систему. И не систематично в учебе. Бы друзья — учить Сталина «Вопросы ленинизма». Меня очень затруднили бы, если бы заставили цитировать ту или иную книгу, то или иное определение.

Что меня поражает в Ленине самым решительным образом? Тема как Маркс хорошо умел. Ленин обрабатывал пластичность. Ясен, прост и оценка. Ею три определения трех материалов анализ — простые, лаконичные, но сила на так захватили меня, что я за эту тему написал целую книгу (Три повести о трех интернационалах). Я знаю напустить его «высказывания» настолько рати интернационалистов в российской социалистической революции.

Хорошо изучил книгу Ленина «Революция и государство», процитировал о диктатуре борьбе пролетариата — это было в центре дискуссии по вопросам работы интернациональной партии.

Ленинское изучение я должен сказать и сейчас. То, что я написал о Ленине, это только начало. Я хочу написать книгу о Ленине, которая раскроет его как великого человека, как великого революционера, как великого писателя. Ленин — это целая эпоха, целый мир, который я должен изучить, чтобы написать о нем книгу.

Ленин читал, но преимущественно только по теоретическим вопросам искусства. С особенным удовольствием прорабатывал «Материализм и эмпириокритицизм».

Только теперь, подойдя вплотную к отображению в художественной форме проблем пролетаризации сельского хозяйства (коллективное и индивидуальное строительство), начал читать работы Ленина и Сталина, посвященные крестьянству и его повороту к стороне социализма.

Только теперь я понял, что нельзя написать пролетарского художественного произведения о современном колхозном хозяйстве, не зная его основных исторических поворотов. Фраза Сталина: «Колхозы с их новой техникой, а не помощью окружающим кулачьем, а их неизменным хозяйственным разлетом должны они ведущей силой, которая обеспечила поворот крестьянских масс и дальше их на путь коллективизации, противоречия между и его точкой «Вопросы ленинизма», заставили меня взяться за те ленинские произведения Ленина и Сталина. Без проработки марксистско-ленинского материала, без овладения методом диалектического материализма самую незначительную художественно, достоверно показать в литературе нового человека — героя нашей эпохи.

Илья Сельвинский

Прочитал почти все основные теоретические работы из того собрания сочинений Ленина, которое издано Гизом в 1932 г.

Изучение марксизма - ленинизма не только дает диалектическое управление мыслью, но и выдвигает ее.

Недавно кашлю я по поводу мировоззрение осилил статью «Что делать», может быть, потому, что литературное не было первым моим лингвистическим и признания ленинской диалектики.

Проблема ленинского стиля и поэзии отличалась иной еще в тогда, когда социальная почва моего творчества была в значительно мелкобуржуазной. В этом противоречия нет никакого диалектического. Вспоминаю ленинское замечание о «Науке логики» Гегеля:

«Этот самый идеалистический произведения всего меньше идеализма, всего больше материализма. Противоречиво, но факт».

Ленин, вопреки многим нашим литературным критикам, умел увлекаться великими образами, умел чувствовать систему от метода и классовый характер задач от классового характера средств их разрешения.

Мой творческий метод, детский в основу конструктивной поэтики и развивался мной в сейчас за новой классовой базе, сводится к ленинскому диалектическому принципу, что в чему, в ленинской теории эпохи, в ленинскому искусству выбирать не просто лучшее оружие, но то оружие, которое является лучшим в данном случае, хотя бы при прочих равных диалектических условиях это оружие считалось бы худшим.

Отсюда культура «локальной характеристики, сводящей и ритм, и в конечном литературного движения.

Е. Пермитин

Ленин читал, но преимущественно только по теоретическим вопросам искусства. С особенным удовольствием прорабатывал «Материализм и эмпириокритицизм».

Только теперь, подойдя вплотную к отображению в художественной форме проблем пролетаризации сельского хозяйства (коллективное и индивидуальное строительство), начал читать работы Ленина и Сталина, посвященные крестьянству и его повороту к стороне социализма.

Только теперь я понял, что нельзя написать пролетарского художественного произведения о современном колхозном хозяйстве, не зная его основных исторических поворотов. Фраза Сталина: «Колхозы с их новой техникой, а не помощью окружающим кулачьем, а их неизменным хозяйственным разлетом должны они ведущей силой, которая обеспечила поворот крестьянских масс и дальше их на путь коллективизации, противоречия между и его точкой «Вопросы ленинизма», заставили меня взяться за те ленинские произведения Ленина и Сталина. Без проработки марксистско-ленинского материала, без овладения методом диалектического материализма самую незначительную художественно, достоверно показать в литературе нового человека — героя нашей эпохи.

Илья Сельвинский

Прочитал почти все основные теоретические работы из того собрания сочинений Ленина, которое издано Гизом в 1932 г.

Изучение марксизма - ленинизма не только дает диалектическое управление мыслью, но и выдвигает ее.

Недавно кашлю я по поводу мировоззрение осилил статью «Что делать», может быть, потому, что литературное не было первым моим лингвистическим и признания ленинской диалектики.

Проблема ленинского стиля и поэзии отличалась иной еще в тогда, когда социальная почва моего творчества была в значительно мелкобуржуазной. В этом противоречия нет никакого диалектического. Вспоминаю ленинское замечание о «Науке логики» Гегеля:

«Этот самый идеалистический произведения всего меньше идеализма, всего больше материализма. Противоречиво, но факт».

Ленин, вопреки многим нашим литературным критикам, умел увлекаться великими образами, умел чувствовать систему от метода и классовый характер задач от классового характера средств их разрешения.

Мой творческий метод, детский в основу конструктивной поэтики и развивался мной в сейчас за новой классовой базе, сводится к ленинскому диалектическому принципу, что в чему, в ленинской теории эпохи, в ленинскому искусству выбирать не просто лучшее оружие, но то оружие, которое является лучшим в данном случае, хотя бы при прочих равных диалектических условиях это оружие считалось бы худшим.

Отсюда культура «локальной характеристики, сводящей и ритм, и в конечном литературного движения.

ЛЕНИН *КАК ЛИТЕРАТОР*

Заводским анкету на X партийном съезде, Ленин в графе «профессия» отметил: «литератор». Ленин как литератор—огромен, ответственна тема. Печать—«самое острое, самое сильное оружие нашей партии» (Ленин). Надо ли здесь подробно обосновать, какими острыми и могучим оружием в руках всегда фальшивейшей партии оружие печатное слово? В рамках данной статьи мы только коснемся одной стороны этой огромной темы — вопроса, в какой мере литературно-критическая и лингвистический фронт проработки литературный стиль Ленина, основные предпосылки его мощности.

О силе ленинского слова, о его необычайной ясности, точности, действенности знает каждый рабочий, каждый читатель.

Здесь нужно подчеркнуть другое: сила ленинского литературного стиля, его поразительная повесть произведут прежде всего от ясности и силы логического мышления пролетарского вождя, от высокого уровня его марксизма.

В своих воспоминаниях о Ленине т. Сталин отмечает эту поразительную силу логического мышления Ленина, которая в одинаковой мере отражалась и на ораторском, и на литературном стиле Ильича.

«Меня поразило,— пишет т. Сталин,—та непреодолимая сила логики, которая несколько сухо, но неотразимо сковывает аудиторий, последовательно анализирует ее и потом ферт ее в плен, как говорят, без остатка. И помню, тогда говорили многие из делегатов: «Логика в речах Ленина — это какие-то стальные щупальца, которые охватывают тебя со всех сторон клещами и из объятий которых нет никакого выхода: либо сдавайся, либо решайся на полный провал». И думаю что эта особенность в речах т. Ленина является самой сильной стороной его ораторского искусства».

«У него есть та счастливая способность мыслей,—писал Максим Горький в своих воспоминаниях об Ильиче,—которая дается только тем, кто обладает ясностью. Он говорит удивительно простыми словами, железным языком, с логикой тонкого, но и его курносых речах и никогда не слышал ни грубой демагогии, ни дешевого фразерства в красной фразе».

Не только друзья и соратники Ленина, но и его враги задолго до Октябрьской революции, с еще скрытым удивлением, отмечали изящество его литературного стиля, не умея объяснить его истоки. «В истории русской литературы XX века под ред. С. Венгерова (1914) мы нашли следующие высказывания В. Базарова о ленинском стиле:

«Прекрасная часть литературных произведений Вл. Ильина,— пишет В. Базаров,—современный, но тем более ценный пафос гениальной воли, не знающей никаких сомнений убежденности. Он, может быть, иногда холоден и даже сух, но это тот холод, от которого бросает в жар, это та сухость, с которой нарезали свои пластины стали французского конвента... Даже статистические выкладки его работ, посвященных хозяйственному развитию России, дышат страстью и темпераментом»

Это вдумчивое изучение мощного, которого, как мы видим, бросало и «в холод, и в жар» за читателя ленинских статей, может служить примером, иллюстрирующим, как непримиримый ленинский стиль в последующие его противников.

Буржуазная история русской литературы еще до революции не могла пройти мимо ленинского стиля. Тем поразительнее тот прорыв, какой мы наблюдаем во многих «историях русской послеоктябрьской литературы», во многих исследованиях о «стиле» октябрьской литературы, совершенно уклонившихся от постановки вопроса о литературном стиле Ленина.

Когда внимательно просматриваешь 8 объемистых томов «Ленинианы» — собрание статей о Ленине, насчитывающей свыше 10 тысяч названий, замечаешь, сколько статей и исследований о Ленине и его последствии, прежде всего изучающем ленинскому стилю и литературному творчеству. Ленина посвящено исследование специальной статьи его. Большинство этих исследований касается отдельных сторон ленинского творчества, которые ждут своего исследования в ряде томов и работ ЛИЯ по вопросам литературы и искусства.

Изучение ленинского стиля между тем отнюдь не носит только академический характер. Для ленинского изложения к стилю в первую очередь категория ясности, умение построить фразы, подобрать нужные слова с глубоким классовым корнем тех или иных стилевых тенденций.

Полемизируя с всевозможными, красноболтанием и словесной демагогией меньшевиков, ересей, троцкистов, выступая против «надутых фраз», против фразистого холода и революции, Ленин неизменно подчеркивал, что для него это отнюдь не диалектический закон литературного пуризма, что «надутой» фразой всегда можно прикрыть массовые корни сознательных врагов и выветрив.

«Сознательный рабочий,—писал Ленин,—в этих надутых фразах так же ясно отличает жульничество буржуазного интеллигента, как иной житейский опытный человек, глядя на безукоризненно сшитую физиономию и внешность «благородного человека», сразу и безошибочно определяет: не всякой вероятности, мошенника» («Великий почин»).

«Формулы» настоящего коммунизма— там же подчеркивал Ленин,— отличаются от выпитого увлажненного торжественного фразерства Каутского, меньшевиков и эсеров.

«...одно из проявлений слепой мелкобуржуазности,—писал Ленин в другом месте,—состоит в подчинении революционную фразу. Это — старая истина, старая история, слишком часто оплевываемая вождями». «Шаблонная жонглирование фразами — свойство деклассированных мелкобуржуазных интеллигентов».

Эти наставления Ленина (а их можно было бы привести десятками почти из каждого его тома) блестяще показывают, как нужно и как нужно подходить вопросы изучения стиля на всей принципиальной политической уровень.

Для указания Ленина имеют огромное актуальное значение и для нашей литературной современности.

Как часто в художественных произведениях противоположности комканы, рыхлая фраза, коллективные слова, оборот, пышные прилагательные! При этом литературоведческие изыски из разных методологических крайних такой стилистической нечистоплотности считают проявлением талантливости, игнорируя социальную основу и классовую природу такой халтурности.

Одна из основных линий борьбы с буржуазными и мелкобуржуазными тенденциями в литературе должна служить борьба против «надутых фраз», против «надутых фраз», враждебных, и, разумеется, самым недвусмысленным основным условием овладения творческим методом диалектического материализма является борьба за ленинский стиль в художественной литературе.

Заключая «Вопросы ленинизма» своей известной статьей «Отдых в работе», т. Сталин тут же замечает: «Речь идет не о литературном стиле». Но блестящие указания т. Сталина о стиле ленинизма могут служить той базой, на какой марксистская критика сможет построить развернутую характеристику ленинского литературного стиля, ленинской писательской работы. Под знаком «сочинения русского революционного разлива с вмешательством иностранцев», под знаком борьбы за всемерное разоблачение как разложившегося мучеобразства, так и демагогического фразерства, пролетарская литература должна вырастать в высшую ступень, развиваясь по пролетарскому типу и всего подхода пролетариат, по Ленину.

А. ЛЕЙТЕС

С. Подделков

Фабрика «Ливерс»

Читать Ленина мне приходится в связи с работой над статьей о фабзаучке нашей фабрики. Я прочел статьи Ленина «За партийность литературы», «Как организовать соревнование», его речь на III съезде комсомола и пр.

Основной метод моей работы — сопоставление и удлинение над моей работы социалистического строительства.

Нельзя не понять Ленина, чтобы понять сущность современия. Изучая Ленина для того, чтобы понять сегодняшнюю действительность, диалектически осмыслить ее в связи со всей историей нашей партии.

Арк. Коган

Ф-на им. Парижской коммуны

Я работаю над «Энергиадой» Ленина. Прочел ряд статей о Толстом, о пролетарской культуре, о Марксе и речь на III съезде комсомола. Работая над книгой о гражданской войне (комментарии), прочел статьи Ленина о гражданской войне и Сборе.

Хочу указать на необыкновенную ясность и простоту ленинского стиля. Ленин не только великий революционер, не только гениальный революционный вождь. Он и гениальный литератор. Выражать революционную мысль и учусь у Ленина, учусь для того, чтобы помогать партии и работому массу в построении социализма.

Н. ОГНЕВ

Стихи о Ленине

1

Москва и Кремль...
И радио — к миллионам...
Планета слушает, и слушает Москва...
По нашим голосам, из стуже обнаженным,
Тяжелотрудные подают слова.
У гроба мы стоим печальными сынами.
Так длинен-длинен путь, так тягостно притих
Озябший мир, и сосредоточась с нами
Так много перемен, великих и простых!..

Москва и Кремль...
Отчет от миллионов —
Другое радио в эфире утонит...
Он с нами здесь, Ильич! — летит со всех районов,
Он с нами в памяти, в дыханьи, в крови!
Есть слово, есть пароль! Он освящает дали,
Прорезывая в мир невиданный пар:
Есть новая страна из хлеба и из стали,
Есть новая страда,
Страда людей и руд.
У гроба мы стоим, певцы и полемисты,
Мужаем день от дня, и крепь пинит легко,
И знамя славное на славное древко
Подняв, мы чествуем петля и тротуары...

2

Стою, не клоня головы,
Молчанье, как птицу, лелея,
Над суетою Москвы,
У ленинского мавзолея.
В морозную ночь пламя,
Где в снежинках колются ледины,
Ты с братьями вышел меня
Из милой моей Украины.
Удушливым плещется тесно
Покрыто твое изголовье —
И зарано сердце в тиски,
Оно, как и штык наготове...
На тенями полнится тьма,
И мы не на траурной тризне...
Здесь смерть несмертельна сама.
— Дверь в силе, как предтеча жизни...

Перевод ОС. КОЛЬЧЕВА

СОЗДАДИМ МАГНИТОСТРОЙ ЛИТЕРАТУРЫ!

Г. АЛЕКСАНДРОВ

ЛЕНИНСКИЕ МОТИВЫ в поэзии

Мы не собираемся в небольшой газетной статье полностью осветить эту тему. Мы хотим взять лишь несколько характерных моментов, вскрывающих классовую направленность ряда произведений о В. Ленине.

Пролетарские писатели еще не дали законченного, целого образа Ленина: в их произведениях лишь отдельные штрихи, очень яркие и сильные черточки, контуры ленинского образа.

Еще в 1917 г. Д. Бедный в нескольких строках выразил характер ленинских статей, их классовую направленность.

Мироедам «Правда» — враг,
Им мерещится со страха:
Ленин пишет не пером,
А вправду топором.
Обрубил, примерил, строчку,
Снял с миллионщика сорочку.

(Одно из лучших стихотворений Безыменского «Портбилет» посвящено Ленину. В «Партбилете» с большой силой и глубиной выражены настроения широчайших пролетарских масс, смерть В. И. Ленина, ответивших еще большим сплочением вокруг ленинской партии, вокруг генеральной линии партии.

Поэма Вл. Маяковского «Владимир Ильич Ленин» одна из попыток более полного, всестороннего охвата исторических событий. Здесь уже не лозунги, призывы, а стремление в художественных образах запечатлеть ленинизм в движении, в развитии, в диалектике истории. В поэме много слабых мест. Маяковский полностью не справился с поистине грандиозной задачей — и все же эта поэма одно из наиболее замечательных произведений о Ленине. М. Беккер в своей книжке подробно упомянул (со ссылками назад) о всех второстепенных и малозначимых произведениях о Ленине, но поэма Маяковского отвел лишь несколько строк, мол она, мол, за исключением нескольких мест, является рифмованной политграмотой. Какая чепуха, какой филистерский подход к одному из наиболее замечательных произведений о Ленине!

В. В. Маяковский развивает всякую фальшь, все ложные штрихи, имеющие в образ Ленина.

Он земной—
но не из тех,
кто глазки
украсит
и в свои норы,
Землю всю
охватывая разом,
видел
то,
что временам закрыть.
Он, как вы
и я,
совсем такой же.
Только, может быть,
у самых губ,
мысли
больше нашего
мощнит кожей.

Ленин в поэме Маяковского — это гениальнейший вождь масс, рожденный в борьбе и в ней окрепший и созревший. Ленин и партия, партия и Ленин — это нерасторжимое единство.

Мы говорим: «Ленин»,
подразумеваем:
«Партия»!
Мы говорим:
«Партия»,
подразумеваем: «Ленин».

И в этой поэме Маяковский пытается вскрыть диалектику исторического процесса, ленинизм в действии. Но это не удается. Маяковский лишь говорит о законах истории, материалистической диалектики, но всей ее полноты, многообразия не показывает. Много очень поверхностных, внешних описаний движения исторического процесса. Схема, зачастую не заполненная кровью и плотью. Но в ряде мест Маяковский, поднимаясь до художественного осмысливания и отображения диалектического материализма, дает ряд удивительно сильных и глубоких картин.

Ко многому Маяковский подошел, не уяснив сущности ленинизма до конца. Историю тактика и новые капитализма, его развития. Не вскрыта сущность империализма как последнего этапа капитализма. Мотивировка его грядущей гибели очень слаба.

Значительны влияния и либерально-народнической философии. Маяковский дает Ленина как «великого практика», завершившего дело Маркса. Ленин-теоретик, давший новую ступень в развитии диалектического материализма, выпал из поэмы.

После смерти В. И. Ленина И. Бехер в своем стихотворении писал:

Молчание тебе, покойный Ленин,
Не есть безмолвие мертвеца...
Нет, это молодо, это призыв к
бою,
Рабочие массы всех стран, сме-
лайте ряды!
Спартаковцы стройно! Вперед!
Марш!

Писали о Ленине и кулацкие, классово-враждебные поэты. Вот например:

Есть в Ленине мужицкий дух,
Игуменский окрик в декрете,
Как-будто истины разрух
Он ищет в поворотах ответах.

Так начинается большая поэма о Ленине. Принадлежит она перу кулацкого поэта Николая Клюева. Поэма И. Клюева — ярчайшее выражение кулацкой фальсификации, безобрывнейшего и коммунальнейшего искажения, опошления образа вождя величайшей пролетарской революции и мирового пролетариата. Классовый враг стремится приклеить вождю пролетариата... кулацко-поповские черты.

Чудовищные ноты звучат и в стихотворении В. Петровского «Последнее свидание», где Ленину приписаны чуждые пролетарскому вождю черты.

***

Письмо т. И. Сталина, последовавшее выступлению т. Л. Кагановича (на X-летии ИКП), т. Постышева подчеркивают, что «нет лучшего орудия воспитания нашей молодежи в духе марксизма-ленинизма, чем история нашей партии» (Каганович). Изучение истории нашей партии неразрывно связано с изучением всего жизненного пути Ленина, его работ, его непримиримой борьбы со всякого рода отклонениями от генеральной линии партии.

Поэтому пролетарская литература должна еще с большей настойчивостью работать над художественным отображением Ленина, борьбой против идущего из враждебного лагеря искажения и сокращения образа Ленина.

Ленин—в литературе это, конечно, не фотографированье каждого, дефектное описание фактов, а глубокое раскрытие сущности ленинизма, ленинской философии как новой ступени в развитии диалектического материализма, теории и практики рабочего движения, ленинского стиля в партийной и советской работе.

В образе Ленина должна запечатлеться вся героическая борьба рабочего класса под руководством партии за свое освобождение.

Ленин — знамя грядущих боев и восстаний, с именем Ленина мы боролись, под ленинским знаменем мы победим — вот образы замечательного стихотворения Анатолия Гидаша о Ленине.

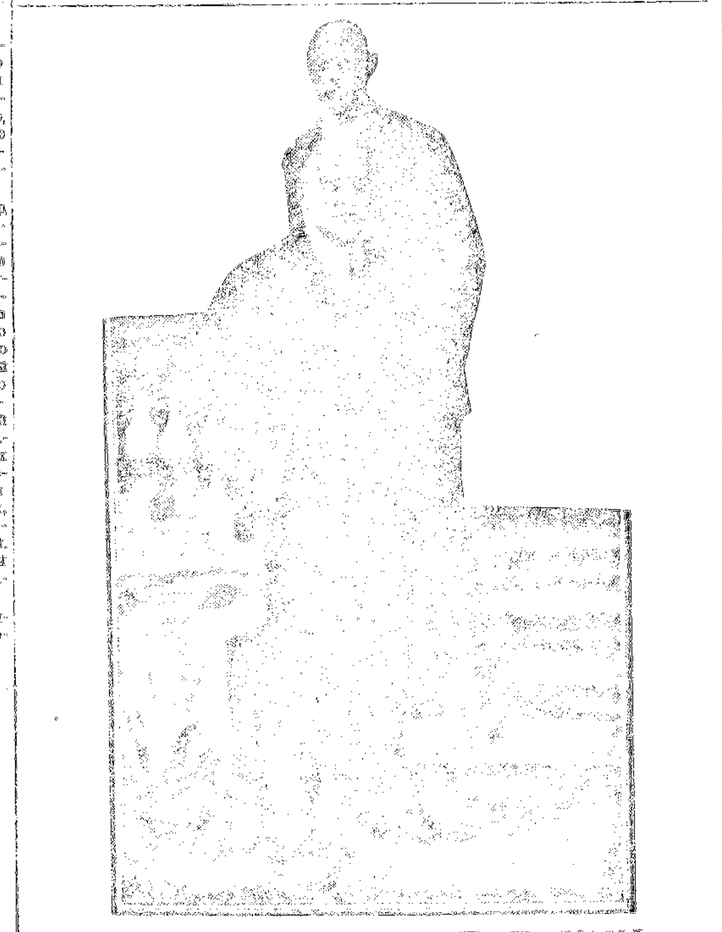
Ты — в красном знамени нашей
злобы,
Ты — в степи отчаяния голодной
трущобы,
Ты — в подземном огне рабочей
утробы,
Ты — в последнем штурме рабочих
колонн.

Образ Ленина Гидаш дает в конкретном переломе линии всей классовой борьбы пекторского пролетариата.

И тем же актив пролетарской поэзии чрезвычайно мал. Образ Ленина в пролетарской литературе не нашел еще полного и всестороннего отображения.

Портретов Ленина на виду,
Похожих не было и нет,—

писал Н. Полетаев, добавляя, что всем уж, видно, дорисовал недорисованный портрет. Это неверная, разоружающая точка зрения. Завоевателя образа Ленина «во весь рост» — это не только «дело жизни», но и ближайшая, настоящая боевая задача всей пролетарской литературы.



ЛЕНИН и ГОРЬКИЙ

А. МАКЕДОНОВ

ПОЧЕМУ «ГИДРОЦЕНТРАЛЬ» СОЮЗНИЧЕСКОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ

Роман М. Шагинян «Гидроцентраль» является показательным документом перестройки писателя в союзника «Гидроцентраль» прежде всего подлинно революционное, подлинно художественное произведение. И большую слепоту обнаруживают те, кто пытается объявить «Гидроцентраль» не настоящей книгой. «Гидроцентраль» заставляет доказывает, что перестройка писателя, если только она является не узкой, органической перестройкой, приводит к художественному росту писателя (что, конечно, нередко, не отменяет наличия «издержек» перестройки). Достаточно сравнить «Гидроцентраль» с «Кик» той же Шагинян, чтобы убедиться в этом.

С точки зрения развития писателя-попутчика имеются две опасности. Первая — главная — это вообще отказ в той или иной форме от перестройки. Эта опасность есть по существу форма открытых, буржуазного ренегатства в искусстве. Она сильно сказывается сейчас в противопоставлении интересов искусства интересам социализма. Вторая опасность заключается в линии замедленного сопротивления, неприятия, недружелюбной перестройке. Эта опасность есть по существу форма дефензивы и антипропаганды и также непосредственно сливается с противопоставлением интересов искусства интересам социализма, хотя и с другого конца.

Сила «Гидроцентрали» в том, что она — пример единственно правильной линии, линии наибольшего сопротивления.

***

Основная мысль «Гидроцентрали» заключается в том, чтобы показать и доказать, как в условиях хозяйственно и культурно отсталой страны, преодолевая сопротивление отсталых и враждебных элементов, преодолевая стихийность, бесхозяйство, отсутствие опыта и знаний, победоносно строятся гидроцентрали, социализм. Эта идея дана не вообще, не декларативно, а через показ конкретного участка социалистического строительства, строительства гидростанции «Малаховск» в Армении. Эту идею Шагинян пытается развернуть во всей живой конкретности. Шагинян дает «Гидроцентраль» в связи со всей страной. Шагинян пытается углубленно поставить проблему «учебы», пользуясь опытом строительства. Гидростанция дело строящееся без утверждающего прогресса, был допущен ряд технических и политических ошибок. Целом завладел чужак инженер Бахар Интересно, сознательно ли с чужаком инженером Леон Давыдовичем вместе вредную «систему» на участке. Общественные организации не вскрыли, в результате на строительстве вырастают как бы самый «чуж» строительства, так что лучшие передовые рабочие подвергались гибели вплоть террористического акта, обвиняемый самый «системой начала». В процессе борьбы с чуждыми и враждебными элементами, вскрываемыми на неудачах, растет правильное понимание событий, правильное умение руководить событиями. Накапливается опыт и знания, стахановское преобразуется коммунистическое соревнование, настоящий творческий «Дух» возвращается на стройки.

Процесс строительства берется Шагинян как процесс классовой борьбы. Шагинян показывает, что только пролетариат и идущая за ним интеллигенция являются носителями «правильного начала». «Гидроцентраль» пронизана пафосом социализма, ненавистью и враждебностью ко всем видам социализма. В частности борьбы с классово-враждебной буржуазной «системой» начальника строительства Леон Давыдовича.

У Шагинян нет каких бы то ни было «своих» путей, кроме путей социалистического строительства. И это определяет собой качество «Гидроцентрали» как подлинно союзнического произведения.

Смысл нашего строительства Шагинян хочет углубить раскрытием борьбы между пафосом социалистического труда и буржуазно-меньшевистским отношением к труду. Творческий труд — вот движущее начало строительства гидроцентралей. Сцена на бирже труда, открывающая роман, пронизана жаждой труда, жаждой творчества, и как бы ответом на все является все последующее действие. Творческий труд и его носители — пролетариат и союзническая интеллигенция — противостоит паразитирующему мещанству, противостоит труду из-за денег, противостоит интересам карьеры, личного самолюбия, противостоит чиновникам, обывателям, бурчуа (см., например, яркую сцену, описывающую, как «последнего капитала» со всей силой ощутил разницу между советской технологией и психологией буржуазной клячевы). На этом противопоставлении построен весь роман.

И это противопоставление Шагинян опять-таки выдается еще углубить. Вызвана «учебы» диалектически переплетается с борьбой творческого и антитворческого и переростает в то же время проблему «Маркс и Вальтер», т. е. революционной социальности и революционной стихийности, непрочности, которым тем самым дает почву для оппортунистических мелкобуржуазных влияний. В чрезвычайно интересном образе предприимчивого Алабока Шагинян показывает, как пролетарий с крепкой классовой закваской, кре данный делу партии, тем не менее «заражается», и именно потому, что ему начинает «Маркс» — коммунистической сознательности. Ошибки Алабока радуют и основная масса рабочих строительства.

И в том, что Шагинян пытается раскрыть противоречия действительности во всей их полноте и через это направлять свою революционную направленность, в том, что Шагинян чувствует обедненность действительности, в том, что Шагинян пытается итти по линии создания революционной стратегии и революционной тревоги, в том, что она пытается самостоятельно углубленно раскрыть богатство динамики противоречий действительности, руководствуясь интересами пролетариата, — в этом и заключается линия наибольшего сопротивления при перестройке на попутчика в союзника.

***

Почему же, однако, «Гидроцентраль» еще не пролетарское, а только союзническое произведение? Что отделяет Шагинян от пролетарской литературы?

Суть дела в том, что Шагинян, встав на правильный путь развития, однако развивается еще не внутри пролетарской литературы, а в пролетарской литературе. Иными словами, Шагинян еще недостаточно практическое понимание действительности в борьбе с мелкобуржуазными влияниями.

Раскрывая классовую борьбу пролетариата с буржуазией, Шагинян не совсем правильно понимает эту борьбу.

Так, Шагинян ненавистна пальцина в его «кокетству», но не вскрывает действительную классовую природу пальцина. она только приближается к этому вскрытию. Пальцин для Шагинян просто интеллект, паразитический человек. Его политические устремления очень часто, между прочим, Шагинян не вскрывает должных и других отталкивающих сил, которые стоят за политической пальцина. Она противопоставляет пальцина и «Рыжего» прежде всего по той линии, что «Рыжий» стремится работать не для себя, а пальцин для себя. Удаление, таким образом, становится на на главном, главное отушевывается.

Самым ярким носителем буржуазного начала в понимании Шагинян является Клавочка, жена пальцина. В ней сконцентрирована именно этот бытовой уклад буржуазии, все те черты, которые ярко обычно наделяются мещанство в художественных произведениях. По политического смысла деятельности Клавочки Шагинян не вскрывает. Клавочка в сущности даже не действует.

Соответственно этому буржуазный элемент Леон Давыдовича раскрывается лишь как ограниченный служака и обыватель. Политический смысл его «нейтральности» также скрывается. Оппортунист Мадук Назиров вскрывается лишь, как предатель «шестых».

Одним словом, буржуазию Шагинян воспринимает почти исключительно как антитворческую силу, как группу людей лично конкурентоспособных, пошлых и т. п.

С другой стороны, пролетариат Шагинян дает своей в плане абстрактного пафоса творчества, личной самостоятельности—как писателя абстрактного «духа» строительства.

Поэтому основную политическую и производственную практику пролетариата Шагинян не умеет еще вскрыть; она показывает лишь отдельные ее стороны. В «Гидроцентрали» очень много нет из того, что должно было бы быть. Нет настоящей, повседневной работы парт-, ячейки, общественности, она дана лишь пунктирно. Очень слабо показана рабочая масса, даже немного локально, поскольку она дана, в существе, лишь как статика. Например, детей, лишь как статика. Например, детей нам очень мало, они не показаны как растущая сила над отсталым рабочим, но не показаны, как далеко перерастающая отсталые рабочие. Армянская деревня, окружающая строительство, остается экзотикой, не вскрывается классовые противоречия в ней. Роль председателя и секретаря ячейки трактуется вскользь. Конкретный рост нового рабочего актива не показан и т. д.

В связи с этим основными творческими недочетами является не столько сам пролетарии, сколько интеллигентская часть. Творческая практика Алабока и др. не показана; они еще только учатся ей. А вот творческая практика учительницы Аруш Маликяна, нового инженера Арно Арешина («нашего»), начальника строительства, главного инженера, геолога Лагунина и др. показана. Эта талантливая безоговорочно идет на пролетариатом, но в понимании Шагинян все же именно она—соль земли, главный носитель «духа» строительства, главный носитель «Маркса». И она возрождение настроение в «Гидроцентрали» пролетариат, за которым она идет. Так, «Рыжий» глубже партийной организации понимает настроение на строительстве, тот же «Рыжий» дает блестящий ответ некоему инженеру, когда ответственный коммунист называет, художественно Паули непримиримо разоблачает инженера Паули в то время, как председательский коммунист продолжает классовую защиту.

Получается любопытное противоречие: основные носители творчества будущего социализма—только те, кто входит в пролетариат и безоговорочно идут за ним. И в то же время пролетарское ядро растет больше и глубже, крепнет быстрее, чем сам пролетариат, его «беспартийный» союзник.

Поскольку Шагинян понимает и чувствует, что только пролетариат может быть носителем подлинного творчества и что это творчество требует классовой борьбы с буржуазией, постольку Шагинян правильно ставит вопрос, указывает пролетариата первенство.

Но, например, она несколько подменяет вскрытием противоположением «творческого» меньшевистскому, сознательной инженерии, реальное противоречие между пролетариатом и буржуазией, которых, она главным носителем творчества делает не столько самый пролетариат, сколько союзническую интеллигенцию.

Это мелкобуржуазное преимущество «слабой интеллигенции» мешает—вот исторический корень этой ошибки Шагинян. Отсюда прямо следуют мелкобуржуазной романтики и в частности такую романтическую фигуру, как «Рыжего» и родственная ей фигура Гаули.

В этой фигуре, являющейся одним из носителей авторских симпатий и многих задач, отразить основные недостатки в социалистическом строительстве. Однако традиции старого приводит к тому, что она все же, стремясь вскрыть главное, во многом подменяет главное второстепенным; стремясь слиться с революцией, во многом еще привносит в нее мелкобуржуазные представления. Окончательно «открыть дверь», выразить революционную направленность через подсту практики революции, планирования и всей мелкобуржуазной романтики—такова проблема, стоящая перед автором.

Писатель в новой форме, в форме пафоса творчества, как такового, абстрактного «духа» строительства. И он, этот «дух», противопоставляется как классовой и политической борьбе. И он, этот «дух», вырастается в черты труда вообще, борьбы с природой вообще, в которым сливается и Ленин.

Своеобразное явление: Шагинян все время подчеркивает новое отношение к труду, в противовес старому капиталистическому труду, но относит все время только социальную практику людей, отрицает, казалось бы, всякий элемент голой техники, производительности, культурности,—в то же время роман имеет сильнейшие следы именно техницизма, производительности, культурничества. «Дух» строительства частично подменяет пафос политики, борьбы класса с классом. Особенно ярко эти черты выражаются в том, что основная проблема романа—проблема «учебы» — разрешается обычно на технологическом разрезе, разрешается с далеко второстепенным акцентом на политическую «учебу».

Таким образом основная проблема романа, намеченная в плане классовой борьбы, со движения, содержит еще в своем разрешении и неправильное понимание классовой борьбы и ее движения. И поражение является не столько внутренними силами рабочей массы, сколько внешним вмешательством.

Беда Шагинян в том, что движущие силы революции вскрываются ею пока лишь частично и при том мистифицируются, обволакиваются в дым необыкновенности, в дымку своеобразного романтического величества, в дымку неопределенных представлений о борьбе романтических сильных личностей с мещанством, в дымку абстрактного «духа» строительства.

Идейное содержание всех ошибок Шагинян заключается в неумении подняться на высоту политических необходимых классовых оценок социальных процессов строительства, в неумении вскрыть политическую практику борющихся классов и, в связи в этих, в отставании на почтении абстрактного «духа» строительства, своеобразного романтического техницизма, переоценки роли технической интеллигенции и смазывания роли подлинной партийности.

Только подходя к раскрытию основных движущих сил, стремясь к наиболее углубленному их раскрытию, вдя по линии наибольшего сопротивления, Шагинян в целом уклоняет только неуспех. Особенно ярко эти черты выражаются в том, что основная проблема романа—проблема «учебы» — разрешается обычно на технологическом разрезе, разрешается с далеко второстепенным акцентом на политическую «учебу».

Таким образом основная проблема романа, намеченная в плане классовой борьбы, со движения, содержит еще в своем разрешении и неправильное понимание классовой борьбы и ее движения. И поражение является не столько внутренними силами рабочей массы, сколько внешним вмешательством.

Беда Шагинян в том, что движущие силы революции вскрываются ею пока лишь частично и при том мистифицируются, обволакиваются в дым необыкновенности, в дымку своеобразного романтического величества, в дымку неопределенных представлений о борьбе романтических сильных личностей с мещанством, в дымку абстрактного «духа» строительства.

Идейное содержание всех ошибок Шагинян заключается в неумении подняться на высоту политических необходимых классовых оценок социальных процессов строительства, в неумении вскрыть политическую практику борющихся классов и, в связи в этих, в отставании на почтении абстрактного «духа» строительства, своеобразного романтического техницизма, переоценки роли технической интеллигенции и смазывания роли подлинной партийности.

Только подходя к раскрытию основных движущих сил, стремясь к наиболее углубленному их раскрытию, вдя по линии наибольшего сопротивления, Шагинян в целом уклоняет только неуспех. Особенно ярко эти черты выражаются в том, что основная проблема романа—проблема «учебы» — разрешается обычно на технологическом разрезе, разрешается с далеко второстепенным акцентом на политическую «учебу».

«Гидроцентраль» — это роман, состоящий из одного начала. И правильное начало он получает лишь в конце. Правильная идея «Гидроцентрали» как бы еще «носится» перед Шагинян, и она движется к ней. Шагинян правильно пытается развернуто, соответственно новым задачам, отразить основные недуги в социалистическом строительстве. Однако традиции старого приводит к тому, что она все же, стремясь вскрыть главное, во многом подменяет главное второстепенным; стремясь слиться с революцией, во многом еще привносит в нее мелкобуржуазные представления. Окончательно «открыть дверь», выразить революционную направленность через подсту практики революции, планирования и всей мелкобуржуазной романтики—такова проблема, стоящая перед автором.

Без ясного понимания того, что только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру—без такого понимания нам этой задачи не разрешить.

ЛЕНИН. *СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ. XVII. 1929.* „Задачи союзов молодежи"

ПОДНЯТАЯ ЦЕЛИНА

КОНДРАТ ДОЛГО долбил ледяной суглинистую землю, рыл ямки для стояков. Рядом с ним старался Любишкин. У него на лбу чернел шрамик, памятка как грозовая туча, сердился нот, якло горело. Оперев рог, он с силой, с яростью отскакивал пешие, комья и куски мерзлой земли летели вверх и вроде дробно постукивали об стены. Леня иногда сколотил, кидал и сразу оправлялся ко-мнибудь придать восемь пар быков. Нагульнов в одной защитной рубахе, прихлопнув в ночных ложках, вошел в сарай.

— Помахал топором — и уж рубаху хоть выжми. Плохой из тебя работник, Макар,— локалил головой Любишкин. — Гляди, как я! Гах! Гах!.. Целина у Титка добрая... Гах!.. Да ты полушубок скорее одевай, а то простынешь — и конец на сторону!

Нагульнов накинул полушубок. Со двор его медленно сходил кровянокрасный, клочьями румянец.

— Это от пота. Как поработаю или на гору полезу — сразу же задыхнусь, сердце застукает... последний стон? Ну, и хорош! Гляди, какое у нас хозяйство! — Нагульнов обвел горячечно блестящими глазами длинный ряд быков, выстроившихся над всеми накопленными снопей щелей летних.

Пока на открытом базу размещали кормов, пришел Разметнов с Демкой Ушаковым. Он отозвал Нагульнова в сторону, сказал ему руку.

— Макар, друг, за вчерашнее не серчай... Послухался я детского крику, своего племянку вспомнил — ну, и защемило...

— Защемить бы тебя, черта, желанника!

— Ну, конечно! Я уж по твоим глазам вижу, что сердце на меня остыло, а?

— Будет тебе, балабон! Куда направляешься? Сено надо свозить. Давыдов где?

— Он с Менком занялися в колхоз разбирают, в совете. А я иду... У меня же один кузацкий двор остался неделей. Семена Лапшинова...

— Приделю, опять будешь..., — Нагульнов улыбнулся.

— Ох-лавы! Кого бы мне из людей взять! Такое делается, спуталось все, как в бою! Скотину тянут, сено везут, обе-кто уж семена принес. Я их отправил обратно. Уж потом за семенами. Кого бы на подсобу взять?

— Вон Кондрата Майданникова. Кондрат! А ну, иди сюда. Слухал-на вон с председателем разузнавать Лапшинова. Не рабешь? А то ныне не хотят, есть такие сознательные, вот как Тимофей Бородин... Давать ему по совести, а нагабученное забрать — совесть взорвет...

— Нет, чего же не пойтить? Я пойду. Охотей.

Подошел Демка Ушаков. Второй вышли на улицу. Разметнов посмотрел на Кондрата, спросил:

— Ты чего напугался? Рассказать надо, глядя, как хутор ожил, будто муравьиное гнездо тронулось.

— Радоваться нечего сначать. Трудно будет, — сухо отозвался Кондрат.

— Чем?

— И с посевом, и с присмотром за скотиной. Видал вон: трое работают, а десять под плетнем на припеках сидят, цигарки крутят...

— Все будут работать! Это напервачалу. Кусать нечего будет — небось, меньше будут курить.

На повороте, поставленные на работу, торчали сани. Сбоку лежал ворох рассыпанного сена, валялись обломанные колышки. Разпряженные быки жевали жухло зеленый на снегу шерсть. Молодой парень — сын вступившего в колхоз Семена Кузнецова — лениво подгребал сено вилами-тройчатками.

— Ну, чего ты, как неживой ходишь. Я и тебя гола как на винтах бил! Разве так работают? А ну, дай сюда вилы! — Демка Ушаков вырвал из рук улыбающегося парня вилы и, хекнув, поднял на весу целую копну.

— Так же это ты перерочутся? — рассматривая сани, спросил Кондрат.

— Под раскат вдарило, не заметил, как?

— Ну, мотай за тополем, возьми лот у Донецковых.

Сани мотались, затесали и вставили коняшки. Демка аккуратно смерзлый возок, обчесал граблями.

— Куженков, ты, Куженков! драть бы тебя мазаной нелуженой, да кричать не смеешь. Ты глянь, сколько бака сена потолочили. А ты бы взял беременчку, пачуй ты к плетню и пучай бы ело. Кто же в возную пучает?

Парень засмеялся, тронул быков.

— Оно теперича не наше, колхозное.

— Ведала такого сужного сына? — Демка разгневанно повернулся к сторонам сидел Кондрата и Разметнова и нехорошо выругался.

Пока у Лапшинова производили опись, во двор набралось человек тридцать народу. Преобладали бабы-соседки, казаков было мало. Когда Лапшинову, высокому, кряжистому седому, предложили покинуть дом, в толпе, сбившейся в кружок, послышались шопот, тихий разговор:

— А то что же! Наживал, наживал, а зараз ими на курячи.

— Скупщинская песня...

— Ты-то ему побось жалко! А?

— Всякому своя боль больная.

— Небось, не нравился так-то, а как сам при старом прижиле забирал за долги у Трифонова имущество, об этом не думал?

— Так кукается...

— Так ему дыпому, козлу барзатому, и надо. Сыщанули жару на подхвостницу.

— Грех, бабочки, чужой беде лекать. Она, может, свой, вот она.

— Как-то на чуж. У нас имелья— одна каменья. Не пожалевшая дажо!

— Летось за то, что косилку на два дня дел, слухня с меня, как с Лобунки, десять палочек. И это — совечь?

Лапшинов украдкой считал человек, имеющим деньжат. Знали, что еще до войны у него было немалое состояние, так как старик не брезговал и в долг ссужать под лихой процент и вареное потихонечку скупать. Осенью время упорные были слухи, что на базу его пытались красть кражные кони. К нему приезжали, все больше по ночам, незнакомые казаки, лепешники-купцы. Будто бы через жилистые руки Лапшинова шли краденые кони, воровским первым трактом на Царицын, Таганрог и Урюпинскую. Хутору доподлинно было известно, что Лапшинов и старое время раза три в год ковал менять в станицу бумажные екатериновки на золотые империалы. В 1918 г. его даже пытались «подержать за клещи», однако Лапшинов, старик матерый и сильный, отбился от наезжих грабителей одной чакушкой и уцелел. Но он и сам охотно на руку не клал: принятыезадели его в степи с чужими конями — его смекалу, а под старость стал вовсе на чужое прост, брал все, что плохо лежало. Скупи же был до того, что, бывало, поставит в церкви конечную свечку перед образом Николы мирликийского, чуть поскрет, Лапшинов подойдет и залупит, перекрестится, сунет в карман. Так одну свечку, бывало, год становит, а тем, кто упрекал его за такую нарочитую расчетливость и тарадейке к богу, отвечал: «Бог умнее нас дураков! Ему не свечка нужна, а честь. Богу нечаем меня и убыток творить. Он даже бичевой как торгуемых в церкви».

Лапшинов спокойно встретил весть о раскулачивании. Ему нечего было бояться. Все ценное было заранее припрятано и сдано в надежные руки. Он сам помогал производить опись имущества, на свой припрятанную старуху грозно притягивал норей, а через минуту со смирением говорил:

— Не прячи, мать, наших страданьев заглухом воздухом. Он, милостивец, все зрит...

— А он не зрит того, куда ты поганый овечный тулуп запрятала? — серьезно в тон хозяину спрашивал Демка.

— Какой тулуп?

— А в каком ты в прошлое воскресенье в церкву ходила.

— Не было у меня нового тулупа.

— Был и зараз где-то спасается!

— Что ты, Дементий, перед богом говоришь, не было!

— Бог покарает, дед! Он тебя спознает!

— И нет тебе Христос, напрасно ты это... — крестился Лапшинов.

— Грех на душу берешь! — Демка поднимался в толпу, вызывал у баб и казаков улыбки.

— Не виноватый я перед ним, истинное слово!

— Прикроешь тулуп-то! Ответишь на страшном суде!

— Это за свой тулуп-то? — вскипел, не выдержал Лапшинов.

— За украденный ответишь!

— Бог он, должно, такого ума, как ты, мутовкин. Он в эти дела и мешаться не будет!.. Нету тулупа!.. Совестно тебе над стариком задеваться. Перед богом и людьми совестно!

— А тебе не совестно было с меня за две меры проса, какие на семена брал, три меры взять? — спросил Кондрат. Голос его был тих и хрипловат, и обидам шуме почти не слышен, но Лапшинов повернулся на него с вниманием.

— Кондрат! Почтенный твой родитель был, а ты... Ты хоть на память об нем не трогал бы! В святом писании сказано «потерпящего не пихай», а ты как поступаешь? Когда я с тебя три меры за две взял? А бог? Ить, он все видит...

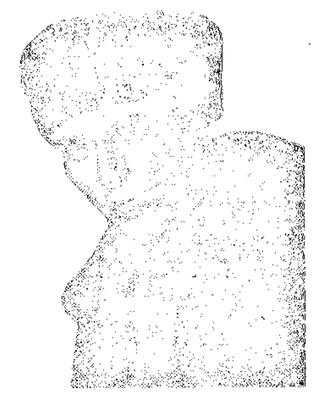
— Он хотел бы, чтоб ему, вдову полоштанному, даром просо отдали, — истошно закричала Лапшинова.

— Не шуми, мать! Господь терпел и нам велел. Он, страдалец, терновый венок видел и плакал правильными слезами... Лапшинов вытер мокрую слезинку рукавом. Говорившие бабы притихли, завыхлялись. Разметнов кончил писать, сурово сказал:

— Ну, дед Лапшинов, вымотался отседова. Слеза твоя не дюже жалостная. Много ты людей наобидел, а теперь мы сами тебе прикорот дадим, безбога. Выходите!

Лапшинов взял за руку своего конюшенного приручателя сына, надел ему на голову трех, вынес из дома. Толпа хлынула следом. На базу старик стал на колени, предварительно постлав на снегу полу полушубка. Перекрестив хмурый лоб и замотав поклонился на все четыре стороны.

— Отчуй! Отчуй! — прикладывая Разметнов, но толпа глухо загудела, раздались выкрики.



— Дэйте хоть с родным подворьем проститься!

— Ты не дура, Андрей! Человек одной ногой в могиле, а ты...

— Ему бы по сто жизня обоими нам туда залезть! — крикнул Кондрат. Его прервал старик Гладилин — церковный староста.

— Выдобриваешься перед властью? Бить вас тальянов надо!

— Я тебе, сукодрыга, так вдарю, что и дорогу к дому забудешь.

Лапшинов казался, крестился, говорил мягко, чтоб слыхали все, тронул доходчивые и жалости бабы сердца:

— Прощайте, православные! Прощайте, родимые! Дай бог вам на здоровье... пользуйтесь моим кровным. Жил я, честно, трудился...

— Барзалное покупал! — подсказывала с крыльца Демка.

— ...в поте лица добывал хлеб насущный...

— Людей разорял, процент сымал, сам нарожал, кайся! Взять бы тебя за жирную, собачий блуд, за обжимы!

— ...насухую, говорю, в тенечек на старости лет... Бабы захлюпали носами, потянули в глазах концы платков. Разметнов только что хотел подать Лапшинова и вытолкать со двора, он уж крикнул было: «Ты не юлитурнуй, а то...», как на крыльце, где стоял, прислонясь к перилам, Демка, внезапно вспыхнул пум, вспыл...

Лапшинов выскочила из кухни, неся в одной руке кацюлю с пасхальными гусиными яйцами, в другой — притихшую ослепленную снегом и солнцем гусыню. Демка легко нагнал у нее кацюлю, но в гусыню Лапшинова вцепилась обеими руками.

— Не трожь, нечь-нечь! Не трожь!

— Колхозам теперича гусыня... — забрав Демка, ухватись за вытянутую гусиную шею.

Лапшинова держала гусиные ноги. Они тянули всех к себе, просто хоть друг друга по крыльцу.

— Отдай, косой!

— Я те отдам!

— Пусти, говорю!

— Колхозная гуська!.. — задыхаясь выкрикивал Демка. — Она нам не жена... кулят!.. Отойди, старая, а то ногой в хрящик!.. гусят... выведет!.. Вы свое отдели...

Рассматривавшиеся Лапшинихи, упираясь в порожек валенком, тянули к себе, брызгая слюной. Гусыня, начало вырвавшись дурным голосом, замолчала: видно, Демка перехватил ей дыхание, но продолжала с бешеной быстротой выбрасывать крылья. Белый пух и перья снежинки хлопьями закружились над крыльцом. Казалось, еще один миг — и Демка оделся, вырвет нелужную гусыню из костлявых рук Лапшинихи, но вот в этот момент изорванная гусиная шея, тихо хрустнув позвонками, оборвалась. Лапшиниха, накренившись назлом через голову, запрокинулась о крыльца, гулко считая порожки. А Демка, дунув от неожиданности, с оторванной гусиной головой в руках, упал на кацюлю, отшвырнув сзади него, дико гусиные недозрелые яйца. Взрыв всполошенного хохота обил задние сосульки с крыши. Лапшинов встал с земли, катнув шапку, простно держал за руку своего сожженного ко всему равнодушного сына, почти рысью потащил его со двора. Лапшиниха встала, тряхнув с плеча и боля. Обметая юбку, она тоже тянулась было к обезглавленной, бившейся возле крыльца гусыне, но женщина бурной кобель, крупнозубой зверюгой кинулась, увидев цепкой бинтую гусиной шеи кровь, вдруг прыгнул, подобно на снеге мертв, в несколько носа Лапшинихи выхватил гусыню, поволок ее по двору под сенст и уложенные ребят.

Демка кинул по след Лапшинихе гусиную голову, все еще смотревшую на мир живой шумливым оранжевым глазом, ушел в хату. И долго еще над двором и прогоном висел разнесенный, ворвавшимся смех, треножка и испуганная с сухого хворосту воробьев.

НЕПРИМИРИМО БОРОТЬСЯ ЗА ЛЕНИНСКУЮ ЛИТЕРАТУРНУЮ ТЕОРИЮ, СО ВСЕМИ ФАЛЬСИФИКАТОРАМИ И ВРАГАМИ ЛЕНИНИЗМА

В. ЕРМИЛОВ

ЗА РАЗВЕРТЫВАНИЕ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ САМОКРИТИКИ

Усиление самокритики [1], освобождение от ошибок, сделанных нами, сделанных целым рядом руководящих работников РАПП, является необходимым условием подлинной перестройки.

Борьба за партийность, за ленинизм требует, прежде всего, разоблачения грубейшей ошибки, допущенной нами. Эти ошибки — лозунг «За плехановскую ортодоксию» в вопросах литературоведения.

Когда мы говорим о наличии в РАПП деборинского влияния, когда мы говорим о наличии в РАПП деборинских тенденций, то здесь нужно различать два вида этих влияний и тенденций. Как известно, деборинщина, являющаяся системой меньшевствующего идеализма, отрывает теорию от практики. В нашем литературном движении не было отрыва теории от практики, и нужно сказать прямо, здесь имелось принципиальное отличие нашего литературного фронта от философского фронта. Но мы имели (и не преодолели этого до сих пор) резкое отставание нашей теории от практики. Деборинские влияния, деборинские тенденции проявлялись в том, что мы не всегда умели, обличая те или другие творческие лозунги, объяснить их практикой рабочего класса на данном этапе. В самом деле, возьмем хотя бы наш лозунг живого человека. — я беру в примеру этот лозунг, который имеет теперь той громадной актуальности, которую он имел в свое время. Этот лозунг подтверждается практикой реконструктивного периода. Этот лозунг был противопоставлен литфронтовщине, был противопоставлен тому разрешению проблемы личности и коллектива, которая давалась «литфронтом». «Литфронт», как известно, топил личность и абстрактно понимаемом коллективе. Практика реконструктивного периода, соцсоревнование, ударничество, задача показа героев социалистического труда подтвердили правильность нашей линии. Когда Борисоглебский, этот буржуазный лошлак и лакировщик, пишет буквально следующее: «Мои поиски героя не увенчались успехом, оказались пустым, неоправданным занятием потому, что героев нет, героя не существует рабочий класс», то он, конечно, доходит здесь позорнейшую литфронтовщину. Правильная постановка вопроса сводилась к тому, чтобы выявлять героев соцсоревнования, а не то-нибудь их, выявлять не только героев, но и конкретных носителей зла. Так подчеркивалась правильность лозунга «живого человека». Но, формулируя этот лозунг, мы не всегда умели его связывать с практикой рабочего класса. Абсолютно правильный ленинский лозунг «срывания всех и всяческих масок» с классового врага, за который мы дрались и будем драться, мы также не всегда умели объяснить практикой рабочего класса на каждом данном этапе. Прямое же деборинские влияния у нас проявились, в частности, конечно, и в этом самом лозунге «плехановской ортодоксии», за которые я лично несу ответственность больше других. Известно, что деборинщина, меньшевствующий идеализм, отличается не только открытическим отношением к Плеханову, но и прямым противопоставлением Плеханова Ленину: Плеханов, мол, теоретик рабочего класса, Ленин — практик. И когда мы выдвигали в период борьбы с переверзевщиной лозунг «плехановской ортодоксии», мы совершали грубейшую ошибку деборинского порядка. Это несомненно означало деборинское влияние, деборинскую грубую ошибку, допущенную нами.

Руководствуясь плехановской теорией, нельзя разрешить даже такую основную проблему художественной литературы, как проблема специфики художественной литературы, проблема образа. Как известно, у Плеханова имеется теория перелицовок, согласно которой в том, что наше познание не отражает действительности, а наше сознание представляет собой систему условных знаков, условный шифр, условные иероглифы. Руководствуясь этой теорией иероглифов, нельзя по-настоящему разрешить проблему образа, т. е. существа художественной литературы. Чем отличается художественная литература, мышление художественное от мышления логического? Руководствуясь Плехановым, нельзя решить эту проблему, ее можно решить только на основе ленинской теории отражения, только на основе ленинской теории сознания как отражения действительности. Из плехановских условных иероглифов вытекает переверзевское понимание действительности, переверзевское понимание образа. Нужно сказать, что наше отношение к Плеханову всегда сводилось к тому, что мы, исходя из практики пролетарской литературы, пытались взять те моменты у Плеханова, которые приближают его к марксистско-ленинскому литературоведению. Но поскольку мы положений Плеханова не критиковали, мы в известной мере принимали и те моменты этой эстетики, которые ведут к меньшевствующему идеализму. Дело в том, что нельзя представлять себе Плеханова так, что у него, мол, есть меньшевистские ошибки. Нет, у Плеханова есть логическая меньшевистская линия, которая отражается в ряде его положений, которая, в частности, отразилась и на его эстетике и на его философии и противоречит той линии, которая приближает Плеханова к подлинному марксизму.

Более года назад я опубликовал в «Правде» статью, посвященную анализу основных форм правой опасности в пролетарской литературе. В этой статье я критиковал мои ошибки, имевшие объективно по линии отражения влияний воронщины, по линии прапонпортунистической. Тогда же я напечатал в «На литературном посту» статью «За самокритику», посвященную специально разбору моих ошибок. Однако тот этап осознания моих ошибок, на котором я тогда находился, является для меня сейчас уже давно пройденной ступенью. Я правильно критиковал тогда мои ошибки, но сейчас я вижу, что критиковал их недостаточно, указав не все ошибки, критикуя ошибки еще не с той вышки, с которой их следует критиковать. Я не указал, в частности, что, например, мой анализ «Вора» Леонова не только содержал в себе те или иные идеалистические извращения, но й был в основном неверным. Я не коснулся того грубейшего извращения, которое я допустил в моем докладе о творческом лице пролетарской литературы на I съезде пролетарских писателей. Этот доклад в основном правильно давал картину различных стилевых тенденций внутри пролетарской литературы периода 1925—1929 гг., и та критика, которой был встречен этот мой доклад перегревцем М. Семеновым на страницах «Революции и культуры», никак не могла перубедить меня в моих основных положениях, потому что сама эта критика исходила из извращенных меньшевистских позиций. Именно поэтому М. Семенов не заметил того грубейшего меньшевистского извращения, которое содержалось в этом моем докладе. Оно состояло в антиленинском подходе к творчеству Горького, который определялся мною как пролетарский писатель, но с оговоркой, по существу отрицавшей это определение, с оговоркой о том, что Горький является пролетарским писателем в той мере в которой, в какой мере и поскольку пролетариат в ходе своей социалистической революции полностью разрешает и задачи буржуазно-демократической революции. В то же время меньшевик-ликвидатор Бибик определялся мною как пролетарский писатель. Это извращение меньшевистского типа отличалось в числе прочего и потрясающей безграмотностью. Горького, которого Ленин считал пролетарским писателем, Горького, этого, по определению Ленина, бесспорного авторитета в вопросах пролетарской культуры, Горького, который еще в 1914 г. задолго до дискуссии с троцкистами по вопросам культуры, твердо и ясно стоял на позициях защиты пролетарской литературы и культуры, Горького, автора «Матери», Горького, автора замечательнейшего произведения мировой пролетарской литературы, каким является «Клим Самгин», Мыслим Горького я три с половиной года назад по существу определил как непролетарского писателя, а меньшевистский поплак Бибик причислялся мной к пролетарской литературе. Эта грубая, безобразная, недопустимая ошибка, ошибка, несомненно, меньшевистского характера, к стыду моему и к стыду всей нашей критики, оставалась неразоблаченной вплоть до 1931 г., т. е. ті'я года. Никем не было сперто это откратительное пятно (я должен указать здесь на положительную роль «Комсомольской правды», которая первая несколько месяцев назад указала на эту ошибку). Нужно сказать, что в отношении Бибика в советской критике бы установлен такой: его все и всегда определяли как пролетарского писателя. Я первый сказал и умолчанием моем докладе о меньшевистском лице Бибика, но не сломал кэпэ до конца; мне помешал факт пребывания Бибика в «Кузнице», помешала непоследовательность.

В указанных моих статьях я не разбирал также мою книжку «Наши творческие разногласия». Она на том этапе осознания моих ошибок казалась мне совершенно правильной. Между тем уже тогда в письме секретариата РАПП, напечатанном в «Правде» и являвшемся ответом на статью кружка «Натиск», эта моя книжка признавалась «в основном правильно выражающей точку зрения рапповского руководства и почти всех ассоциаций пролетарских писателей». Сейчас я вижу, что секретариат РАПП был прав в этой оценке моей книжки. Эта книжка, являющаяся стилистически выправленной стенограммой моего доклада на III областной ленинградской конференции, вместе ставила такие сложные проблемы, как проблема объективизма и субъективизма в художественной литературе, и прямолинейно, и духе ленинского положения об объективизме классовой борьбы (положения, одновременно направленного и против субъективизма и против объективизма), решала эту основную проблему пролетарской литературы. Но книжка содержит ошибки плехановского порядка, выпадавшие из докулма «плехановской ортодоксии». Я, доказывая структурно-объективистский характер меньшевистской системы проф. Переверзева и недооружаемый субъективизм творческих установок «литфронта», обосновывая тезис о взаимосвязанности, обусловленности объективизма и субъективизма, опирался не только на ленинские положения, оперировал не только стилями на ленинские философские тетради, но и на Плеханова. При этом Плеханова я делал гораздо более последовательным марксистом, чем он является на деле — по существу, ленинскую концепцию я приписывал Плеханову. Я не замечал линии плехановского меньшевистского объективизма, я не замечал, что именно за эту линию Плеханова ухватился Переверзев, а мне нужно было критиковать не только Переверзева, но и Плеханова.

Ошибки деборинского типа допускались и т. Либединским и мной в наших рассуждениях о творческой платформе РАПП.

Несомненно, что в моей трактовке, в моем объяснении правильного по существу рапповского лозунга «живого человека» содержался ряд ошибок, идущих по этой линии и по линии воронщины, но линия отрыва чувства от разума, алогичные ошибки были допущены т. Либединским, когда он ставил вопрос о так называемых непосредственных впечатлениях — вряд ли эта самая терминология нужна в марксистской эстетике; другое дело, что Либединский ставил здесь вопрос о существе искусства, и ряд мыслей, им высказанных, являются ценным и правильным.

Ошибки допускались и другими товарищами, работавшими в рапповском руководстве. Например, разумеется, неправильным было у т. Авербаха, когда он цитировал, не критикуя, положение Карева о соглашении между производственными отношениями и производительными силами. Ошибка деборинского «плехановского» порядка имеется у Фадеева, когда он присоединяется к кампанскому положению Плеханова о том, что «польза познается рассудком, а красота — содействительной способностью».

Вот в основном эти ошибки, которые шли по линии отрыва чувства от разума, по линии преувеличения момента стихийности, ошибки, отражавшие влияния воронщины, идеалистические ошибки прапонпортунистического порядка, допускавшиеся т. Либединским, мною и др. Эти ошибки, которые мы признали, мы, однако, не сумели еще для всей массы движения сделать ясными, объяснить их всем новым кадрам, работающим в нашем движении.

Работниками напповского руководства тоже допускался ряд ошибок. Ef. Досин писал о своей очень тяжелой ошибке, состоявшей в том, что он приняние Либединского «Рождение героя» определил как слабую дорогу пролетарской литературы.

Грубой ошибкой фракции ЛАПП было отнесение «Человек и его дело» Ковалева к числу документов соцреалистической перестройки; конечно, это было проявлением либерализма [2]. С другой стороны, т. Чумандрин допустил ошибку обратную, «левацкую» по духу, когда он переоценил произведение Эрмлера «Обломок империи», которое, как нам необходимо всячески критиковать. Это было неправильно в отношении такого нужного и ценного художника, каким является т. Эрмлер.

Наконец, последняя напповская программа для литературных, которая нами вынущена, далеко не свободна от очень серьезных ошибок.

Мы все (и я в том числе) несем ответственность за ошибки этой программы. Тема о творчестве Максима Горького, имевшая огромное значение именно сейчас, в плане борьбы за творческую перестройку ЛАПП, отнесена напрямкой к специальным разработкам для докладов на кустовых собраниях и не включена в круг бесед на наших кружках. Это, несомненно, очень большая ошибка составительей программы, потому что во всех низовых кружках мы должны изучать весь творческий опыт Горького, в частности, богатейший опыт его работы с молодыми писателями, и в этом отношении, как и в целом ряде других, мы обязаны учиться у Горького.

В нашей программе и с Серафимовичем взята такая же неверная установка. Имелись и другие ошибки.

Наша самокритика должна быть подлинной большевистской самокритикой, не падающей на отдельных личностей, на мелких литературных самолюбий. Это — беспощадная самокритика, и тот, кто боится ее, пусть идет прочь от пролетарского литературного движения. А вопрос о сохранении в движении тех или иных отдельных писателей, отдельных работников решит само наше массовое движение, решит большевистская партия, которая всегда сумеет отличить большевиков, сделавших те или иные ошибки, от мелкобуржуазных интеллигентов, примазавшихся к движению и пытающихся увести его на меньшевистские пути.

[1] Отрывок из доклада В. Ермилова на активе ЛАПП 19 декабря 1931 г.

[2] Эта ошибка была исправлена в письме тт. Либединского, Давыдова и Лузгина, в отсутствии которых было принято это постановление.

Дм. МАЗНИН

МАССОВОЙ РАБОЧЕЙ КРИТИКЕ —БОЛЬШЕВИСТСКОЕ РУКОВОДСТВО

На критическом совещании впервые развернуто будет обсуждаться вопрос о массовой рабочей критике. Тем больше внимания он должен привлечь к себе, тем больше потребности в подлинно коллективном решении его. Весь низовой опыт и литработой на предприятиях, и районных активов сам должен быть учтен нами, чтобы не повторялись ошибок, чтобы было легче представление о всех трудностях и опасностях, связанных с выполнением задачи развертывания массовой рабочей критики художественной литературы. Постановка этой задачи в порядок дня работы всей РАПП проходит не без опасливости, связанного с известным отставанием РАПП от задач периода социалистической реконструкции.

Нужно ли доказывать, что проблема руководства массовым критическим движением есть составная часть проблемы перестройки РАПП? Нужно ли объяснять ту роль, которую играет массовая рабочая конкретная критика в производственном писательском коллективе, каким в результате перестройки должна быть РАПП? С точки зрения задач перестройки вопрос о массовой рабочей критике есть вопрос и об организованной помощи передовых рабочих-читателей-ударников пропетписателям в их творческой работе, и о создании нового типа критики, и о руководстве чтением художественной литературы широчайших масс рабочего класса и колхозников.

В целом это есть вопрос об организованном участии передовых рабочих-читателей-ударников в борьбе за генеральную линию партии на литературном фронте, об оказании нам для успешности этой борьбы оружием марксистско-ленинской литературной критики, ее диалектико-материалистической методологией.

Раз ставится таким образом, идет не о чем этом, как о новом характере взаимоотношений писателя и читателя, критика и читателя. Глубокое качественное отличие пролетарлитературы от литературы всех иных классов оказывается в том, что только пролетлитература в условиях развертывающейся социалистической культурной революции, в условиях быстрого роста культурно-политического уровня и активности рабочего-читателя разрушает вообще пропасть между писателем — «производителем» художественных ценностей и читателем — «потребителем» их. Читатель становится активным участником строительства пролетлитературы.

Голос комсомола в нашумевшей дискуссии отразил как раз и рост читательских масс, и их недовольство темпами перестройки РАПП, и ту положительную роль, какую играет активное «вмешательство» рабочих читательских масс в литературные дела. Именно в этом свете должно идти обсуждение вопросов массовой рабочей критики.

И напрасно некоторые товарищи думают ограничиться в решении этого вопроса исключительно рамками кружков рабочей критики, определением содержания и методов их работы. Конечно, нам, как мы уже видели, шире и сложней.

Но есть ли у нас массовая рабочая критика? Может быть, нужны самые первые, самые предварительные шаги к ее развертыванию? Может быть, надо, как предлагают некоторые товарищи, об'явить сейчас призыв рабочих-ударников в критику, развернуть широкую агрессивно-наступательную по созданию многих сотен новых кружков рабочей критики? Только люди малознакомые с действительным положением низовой литературной работы могут говорить об организации массовой рабочей критики как о каком-то совершенно новом, несдвинутом деле, не имеющем ни истории, ни опыта.

Призыв рабочих-читателей в литературу поднял на новую ступень массовую рабочую критику. Разрывать, обособлять эти два «призыва» нет никакой надобности. Наряду с первыми произведениями призывников усилился приток критических заметок, рецензий, статей читателей.

Массовая рабочая критика у нас существует, и развивается она именно как массовая критика. Идет она в самых различных формах. Разве смотр молодежной литературы не есть по существу развертывание массовой рабочей критики, своеобразный призыв ударников в критику? Разве не втягивался через этот смотр новые массы передовых читателей в активное критическое обсуждение литературной продукции? Разве, наконец, не должен быть учтен нами опыт этого смотра для организации в дальнейшем ряда подобных смотров? Почему бы, например, не организовать к XV годовщине Октября смотр художественной литературы об Октябре и нашей партии?).

Разве письма рабочих-читателей к писателям и отзывы читателей, присылаемые издательствам, не являются одной из форм массовой рабочей критики? Вся беда в том, что мы не умеем использовать этот богатейший материал, не систематизируем, не анализируем его, не даем обзоров его. Эти письма нередко с отзывами читателей о книгах, собирающимися библиотеками не используются в производственных целях как помощь в творческой работе писателя, или совершенно нетворчески используются. Сколько ценнейших критических замечаний рабочих-читателей не идут дальше библиотеки, не доходят до писателя! Очередная наша задача — добиться от библиотек не только пропаганды пролетлитературы в массах, но и активного участия в выполнении производственных задач РАПП — в создании «Магнитостроя литературы».

Наконец, накопилась и значительная печатная продукция рабочих-критиков в различных журналах и газетах. Разбор этой печатной продукции будет дан на критическом совещании. Еще в 1930 году журнал «Ленинградский металлист» систематически из номера в номер печатал страничку «Металлист за книгой», где помещались отзывы рабочих о литературных произведениях (к сожалению, в 1931 г. этой страницы не стало). Рецензии рабочих-критиков помещались и в «Пролетарском авангарде», и в «На литературном посту», и в «30 дней», и в ряде органов местных АПП («Наступление», «На под'еме» и пр.).

Но независимо качеству этой продукции (поверхностность, ошибки в оценке ряда враждебных произведений) можно судить, что в массовой рабочей критике господствует самотек, что проблема руководства и качества этого руководства является основной, важнейшей проблемой. Образцом небрежного руководства рабочими-критиками, кстати сказать, является журнал «На посту». Лозунг «Развернуть самотек, по-большевистски руководить массовым критическим движением — вот на что сейчас должно быть мобилизовано внимание РАПП и, прежде всего, ее критических кадров. Только в меру решения этой задачи РАПП сумеет возглавить самокритику, идущую со стороны миллионных масс читателей — рабочих и колхозников.

На по-большевистски руководить массовой рабочей критикой — это значит правильно провести борьбу на два фронта на линию партии. Это значит, что нужна беспощадная борьба с меньшевистским хвостизмом, маскирующим «рабочелюбием» типа Бек и Том, захваливанием рабочих-критиков и противопоставлением их критикам-специалистам» (книжка Бек и Том «Лицо рабочего-читателя»). Такое мягкое слово против откровенно-враждебной критики критическим кадрам есть по существу непрямое либеральство по отношению к марксистско-ленинскому литературоведению и критике.

С другой стороны, должна быть усилен огонь по главной опасности — по рапповатерству, тенденциям сохранить старые, присущие литературе прошлых дней, отношения писателя и читателя, огонь по барски-пренебрежительному отношению к рабочей критике, по самотеку, по выхолащиванию большевистской партийности в массовой рабочей критике и пр.

Большевистским содержанием должна быть наполнена работа кружков рабочей критики на предприятиях, как и вся наша массовая работа с читателем-ударником (творческие смотры, газеты рабочей критики и пр.).

Неоценимую среди некоторой части рапповских масс важность и необходимость руководства массовой рабочей критикой и подготовки новых критических кадров определило в том, что кружки рабочей критики оставались беспризорными, не получали серьезной методологической помощи и развалились. Это не может быть терпимо в дальнейшем, так не может быть терпимо и отсутствие программ для критических кружков, отсутствие методических указаний и пр.

Журнал «На литературном посту» должен стать подлинным руководящим центром массовой рабочей критики, должен обеспечить конкретное руководство всеми формами этого движения. Пока что свою роль в данном отношении журнал выполняет слабо.

Критическое совещание РАПП должно обеспечить мобилизацию внимания писателей и критиков к вопросу массового критического движения, наметить пути и средства перехода от самотека к организованному руководству массовой рабочей критикой.

Об'ективист говорит о необходимости данного исторического процесса; материалист констатирует с точностью данную общественно-экономическую формацию и порождаемые ею антагонистические отношения. Об'ективист, доказывая необходимость данного ряда фактов, всегда рискует сбиться на точку зрения апологета этих фактов; материалист вскрывает классовые противоречия и тем самым определяет свою точку зрения. Об'ективист говорит о „непреодолимых исторических тенденциях"; материалист говорит о том классе, который „заведует" данным экономическим порядком, создавая такие-то формы противодействия других классов. Таким образом материалист, с одной стороны, последовательнее об'ективиста и глубже, полнее проводит свой об'ективизм. Он не ограничивается указанием на необходимость процесса, а выясняет, какая именно общественно-экономическая формация дает содержание этому процессу, КАКОЙ ИМЕННО КЛАСС определяет эту необходимость... Материализм включает в себя, так сказать, партийность, обязывая при всякой оценке события прямо и открыто становиться на точку зрения определенной общественной группы.

ЛЕНИН т. I. 1894. «Что такое друзья народа»

В. АНИСИМОВ

ФРИЧЕ И ЭПОХА ИМПЕРИАЛИЗМА*

ЗАДАЧА — ПОДНЯТЬ нашу теорию на какую ступень на основе великого литературного наследства и указаний т. Сталина неразрывно связана с пересмотром всего исторического опыта нашей литературной критики.

Пересмотр работ Фриче представляет здесь одну из первоочередных задач. Ряд товарищей, мною в частности, была допущена грубейшая ошибка в отношении наследства Фриче: не были разоблачены выступления от марксизма-ленинизма, имевшиеся в работах этого ученого.

Работы Фриче тесно связаны с пролетарским литературным движением, поэтому ошибки Фриче особенно вредны и опасны. Ленинская критика взглядов Фриче на литературу и искусство — боевая задача.

Фриче, работавший с большевистской партией в годы нашей первой революции, после Октябрьской революции, развернувший широкую деятельность в области марксистской критики и теории искусства, с ревнивейшей связать свою работу энергетика с задачами пролетарской революции, оставил наследство, имеющее большое значение. Задача критики Фриче заключается в том, чтобы, беспощадно и глубоко обнажив ошибки его, выявить и подвить то положительное, что дано в его работах.

В каком отношении стоят работы Фриче, посвященные эпохе империализма, к ленинскому учению? Надо со всей беспощадностью ответить на этот вопрос: в этих работах Фриче не только не опирался на Ленина, но и развернул концепцию, противостоящую Ленину, опирающуюся на каутскианскую, меньшевистскую основу.

Необходимо отметить далеко идущее влияние Фриче на нашу западную критику. Фриче руководил работой по подготовке целых кадров пользующихся полным авторитетом определенного марксистского теоретика,—это обусловило его глубокое влияние. Опортунистические ошибки в отношении социал-фашистской литературы, допущенные большинством наших западных критиков, имеют корни в работах Фриче. А оторванность западной критики от ленинского учения об империализме, разве не восходит к Фриче, работы которого противостоят ленинским взглядам на империализм? Перестроить нашу западную критику, преодолеть все допущенные на этом фронте ошибки — можно лишь до конца разоблачив антиленинский характер взглядов Фриче.

В виде случая Фриче разрывал, отрекшись от каутскианское понимание эпохи империализма, что позволило ему дать верную партийную оценку современной западной литературы. Выделить все эти моменты необходимо, в процессе критики расчистить каутскианскую основу взглядов Фриче.

Основа, главное направление работ Фриче по эпохе империализма имеет антиленинский характер. Это нужно сказать со всей ясностью. Это делает особенно тяжелой ошибку товарищей (мою в частности *), которые выступили с апологией Фриче, с заявлениями о его «ортодоксальности», не сумев пользовательски разобраться в работах Фриче. Все написанное Фриче по эпохе империализма должно быть подвергнуто критике с позиций ленинской теории империализма.

Итак, суть работу по эпохе империализма «Западноевропейская литература XX века в ее главнейших проявлениях» (1926) Фриче начинает с рассуждений о «техническом стиле, соответствующем индустриально-финансовому, техническому, урбанистическому и научному строю жизни и мысли, характерному для XX века», рассуждений, в которых буржуазная социология соединяется с меньшевистским объективизмом.

«Все указанные социально-экономические и идеологические условия, характерные для XX века, определенные его физиономию, должны были известным образом воздействовать на мировоззрение и жизнеощущение общественного человека этой эпохи, а это новое мировоззрение должно было вызвать потребность в новых средствах и формах художественного воспроизведения внешней и внутренней действительности».

Все эти рассуждения ведут к одной цели, они отрывают литературный процесс от реального развития классовой борьбы, выхолащивают политический смысл литературных явлений.

Это очень вредное занятие! Оно неизбежно служит в дальнейшем фундаментом для всякого рода ложных, опортунистических взглядов на империализм как эпоху «равновесия».

Что же понимает Фриче под эпохой империализма? «Индустриально-техническая общественная формация», «индустриально-техническая эпоха», «городская научная эпоха», «век машинизма», «машинная культура» — много предлагает он обозначений «эпохи капитализма», основой которых является одна характерная черта: Фриче исходит из технической стороны «всего капитализма». Фриче фетишизирует высокую технику под прямым влиянием апологетов империализма, например, Бэмбарта, которого он охотно и почтительно цитирует.

«Художественный стиль футуризма,— пишет Фриче, — имеет своим социальным базисом жизнеощущение городского человека (буржуа) эпохи индустриальной и машинной культуры».

Произведения Гильбо представляют «попытку словесно-лирично оформить переживания современного человека городской машинной культуры». Исследователь Иверт Амис — «эта новый и оригинальный повествовательный жанр, который выбирает соответствует той стадии индустриально-технически-научного стиля жизни и мышления, к полосу которого человечество вступило в XX веке».

Фриче нигде не говорит о том, что империализм становится в противоречие с развитием техники, что происходят своеобразные взрывания техники в эпоху империализма. Техника для Фриче — образ «победоносного» шествия капитализма. Фриче выступает с апологией империализма.

Фриче устанавливает «ряд течений, отражающих в литературно-художественной области различные общественно-политические идеологии XX века: идеологию буржуазии, идеологию промежуточных слоев — мелкой буржуазии и интеллигенции — и идеологию пролетариата; эти, во-первых, империалистическое течение в литературе Запада, во-вторых, национально-демократическое; в-третьих, социалистическое и, в-четвертых, коммунистическое».

Фриче подчеркивает «единство», «гармоничность» империалистической эпохи. Связь весь его «XX век» проходит опортунистическая теория «скрещивания», смысл которой сводится к тому, чтобы установить «равновесие» капиталистической системы.

«Так скрещивается в творчестве этих трех писателей — Уитмена, Золя, Верхарна — три классовые линии — буржуазная: мелко- (средне-) буржуазная и пролетарская, в языке, в языковом моменте, в стиле, в языковом характере взглядов Фриче на искусство (буржуазная, мелко- (средне-) буржуазная и пролетарская)». Это явление очень характерно для литературных взглядов XX века, в которых в разном соотношении борются эти три классовые стихии, в зависимости от преобладания той или иной стихии перед нами предстают литературные течения: или преимущественно буржуазные, или преимущественно мелкобуржуазные, или преимущественно пролетарские. Мы имеем здесь, таким образом, не что иное, как отражение в области художественного творчества процесса взаимопроникновения и смешения взаимоисключающих трех основных классов современного западного общества» (стр. 36).

С трудом верится, что эта меньшевистская галиматья написана Фриче. Но она написана! Больше того, эта буржуазная «мудрость», как эхо, отдается не только в книге «XX век», но и в других работах Фриче.

По всем направлениям идет проповедь «равновесия» капитализма.

Правда, Фриче не игнорирует того обстоятельства, что современный капитализм есть капитализм монополистический, но понимает монополию как основу «гармонизации» капитализма.

Ленин показал, что «монополии порождают изнеженное стремление к застою и загниванию». Фриче и мысли не допускает о том, чтобы связать монополию с загниванием капитализма, он связывает монополию с «процессом» капитализма. Он берет ее как форму «организованного» капитализма. Вслед за теоретиками II интернационала Фриче видит в монополии одну положительную сторону, видит в ней путь подъема капитализма.

Если современный капитализм представлен в работах Фриче как система «равновесия», нечто близкое к «организованному капитализму» Бухарина, то какова же отношение Фриче к борьбе пролетариата?

Надо со всей резкостью сказать, что и здесь взгляды Фриче загорожены опортунистическим хламом.

В 1918 г. появилась книга Фриче «Поэзия империализма и поэзия демократии».

«Подобно тому, — пишет Фриче, — как капиталистическое общество распалось поэтому на два противоположных класса, на буржуазию и пролетариат, так развивались параллельно империалистической поэзии, отражающей настроение и устремление правящих групп, поэзия демократическая, поэзия демократии, воспроизводящая настроения и идеалы рабочего класса».

Формула «параллельности» не случайна здесь, как не случайно литература пролетариата назвала «поэзией демократии». Фриче рассматривает творчество Ады Негри, О. Крисде, А. Пиндада, Верхарна, художников, проповедывавших примирение с капитализмом. Его книга, отторгнутая от классовой борьбы, выхолащивающая революционный характер борьбы пролетариата, «демократическими» рассуждениями замазывающая партийность пролетарского искусства, противостоит ленинскому учению об этом вопросе.

В работе 1919 г. «Капитализм и социализм в литературе» Фриче развертывает подобные же положения, придавая им более откровенную форму. В этой работе Фриче выражает мысль, что «социальный подъем» представляет наиболее подлое и характерное выражение литературы капиталистического общества. Что это, как не меньшевистская установка, как не производное «братания» пролетарского литературного движения в процессе буржуазной литературы?

Фриче на всем протяжении своей деятельности обнаруживал живой интерес к явлениям пролетарской литературы на Западе. Но интеллигентская оценка его взглядов на эпоху империализма порождала опортунистическое искажение истории пролетарской литературы.

Представляет современный капитализм как систему «равновесия», Фриче полез за теоретиками II интернационала в ряде случаев прекращает пролетарскую литературу в простой придаток капиталистической системы. Вот, например, как изображается развитие литературы рабочего класса во Франции («Пролетарская поэзия», 1919).

«Вот сейчас (!) третья республика, в атмосфере разгорающегося рабочего движения зарождалась во Франции новая поэзия — социальная». И вдруг это многообещающее движение оставлено. Началась война. Во Франции был объявлен «социальный мир». Рабочий класс подчинил свои цели целям «единения». Социальная поэзия смолкла. Шла шовинистическая поэзия патриотическая поэзия. Но миновала уже и эта полоса. На наших глазах под влиянием не только войны, но и победы над Германией снова пробуждается в Франции классовая борьба, расчищается путь для пролетарского торжества пролетарской поэзии» (стр. 28).

В этих строках провозглашается связанность литературы рабочего класса с интересами капитализма, — нельзя более откровенно защищать взгляды марксизма-ленинизма на классовую борьбу.

В этом свете становится совершенно понятной и та классификация «течений», которую предложил в «XX веке» Фриче. Он не развернул полностью ни «социалистического», ни «коммунистического» течения, он только провозгласил их «равноправие».

В последнем издании «Очерка развития западных литератур» об этом сказано подробнее. «После империалистической войны рядом(!) с социалистическими партиями становится на Западе партия коммунистическая, рядом (!) с писателями-социалистами становятся писатели-коммунисты».

Рядом! Фриче не разоблачал предательской роли социал-оппортунистов в литературе, не заклеймил «разъединителей рабочего движения», выполняющих в качестве писателей роль агентуры империалистической буржуазии среди рабочего класса.

Статья 1925 г. «Два поэта-коммуниста» начинается такими рассуждениями: «В последние годы социалистические партии Запада перестали быть общественно-культурной прогрессивной силой. Выразители настроений и интересов преимущественно мещанских слоев общества, они, как и стоящие за ними социальные планеты, погрязают в консерватизме, половинчатости, в кропотливом, — живой дух отходит как от тех, так и от других».

По мере убыли значения социалистического движения и социалистических партий Запада, растет коммунизм».

Нельзя представить себе более отчетливого извращения истории большевизма, более открытого замазывания того, что «социалистические» партии представляют в современной Европе агентуру империалистической буржуазии.

Опираясь на Ленина, на указания т. Сталина, мы должны полностью разоблачить меньшевистские высказывания, имеющиеся в работах Фриче. Вся этот вопрос и сейчас с неизбежностью всей нашей критики западных литератур, мы видим, что грубейшие ошибки, допущенные и отношении социал-фашистской литературы, имеют корни в опортунистических взглядах Фриче. Преодолеть допущенные всей нашей западной критикой ошибки в этой области можно, лишь до конца разоблачив имеющие меньшевистскую основу взгляды Фриче.

Ленин учил нас понимать эпоху империализма как эпоху пролетарских революций. Фриче не связывает него процесса современной литературы с нарастающей пролетарской революцией на Западе, он не берет современный капитализм в свете его приближающейся гибели.

Какое положительное значение имеют для нас работы Фриче? Ответить на этот вопрос мы должны в процессе всего пересмотра деятельности Фриче. Конечно, мы не можем занять позицию «зрячего отрицания», мы знаем, что пролетарская революция подвигала Фриче в ряде случаев до партийно-большевистской постановки литературных вопросов, нередко и переступала его.

В эпоху нашей первой революции Фриче дал ряд выдающихся работ о западной литературе. Назовем очерк «От марксизма к идеализму», разоблачающий оппортунизм в германской социал-демократии, или очерк «Западная Европа и русская революция», пронизанный партийной публицистикой. Такова же его работа «Художественная литература и капитализм» (1906).

В послеоктябрьские годы Фриче также дал ряд работ, поднимающихся над опортунистическими ошибками его. Назовем статью 1924 г. «Главнейшие течения послевоенной литературы Запада», ставящую вопрос о нарастании капитализма, статью 1921 г. и Ф. Рольве глубоко ставящую вопрос о пролетарском движении на Западе.

Переоценивания работы Фриче по эпохе империализма, мы должны выделить все те моменты, когда он сталкивался с большевистскими позициями, и противопоставить их опортунистическому извращению его работ. Вскрыть и обнажить это противоречие — означает не только всей беспощадностью разоблачить опортунистические меньшевистские извращения, содержащиеся в работах Фриче, но и показать, что пролетарская революция заставляла Фриче расчистить опортунистическую основу взглядов.

*

Моя статья, как и уже отмечалось выше, ставит лишь ряд острых вопросов, связанных с работами Фриче и области западных литературоведческих проблем. Полный пересмотр Фриче — это и дело будет не этой статьи. Это — сверхсложная задача всей нашей критики. Необходимо сделать критику Фриче новой ступенью в развитии нашей теории. Раскрытие остатков опортунистических ошибок Фриче, обнажение его отступлений от марксистско-ленинского пути, мы должны восстановить на стадии новые кадры нашей критики, выявляется их партийную большевистскую бдительность, их непримиримость к борьбе за чистоту ленинского оружия.

* Я имею в виду мою статью в сборнике памяти Фриче, а также выступление на дискуссии в Комакадемии,—хотя я и поставил там вопрос об антиленинском характере взглядов Фриче на [illegible] не сделал всех необходимых [illegible] об'ективно [illegible]

* Печатается в сокращенном виде полностью статья будет помещена в № [illegible] «На литературном посту».

КУРСЫ ВОЕНИЗАЦИИ ПИСАТЕЛЕЙ

В марте 1930 г. в «Литературной газете» была помещена статья «Военизация писателей», поставившая проблему приближения художественной литературы к вопросам Красной армии и обороны страны. Статья вызвала живые отклики (т. Буденного, Корка, Дегтярева). В августе того же года был организован ЛОКАФ, вперве в истории литературной общественности целевое оплачивающее объединение, обязанное своим возникновением совместной инициативе писателей и политработников РККА.

За два года своего существования ЛОКАФ провел серьезную работу: выдвинул кадры писателей-красноармейцев и краснофлотцев, организовал литкружковую сеть в военных частях, связал ее с армейской печатью, привлек профессиональных писателей к знанию и быту Красной армии, обеспечил фактическое участие литераторов в лагерях и маневрах РККА.

Сейчас, наряду с углублением и развитием этих мероприятий, ЛОКАФ приступил к осуществлению одного из самых важных пунктов своего плана: поднятию военно-политического уровня писательского фронта.

Мы входим сейчас в тот период истории литературы, когда одной критики недостаточно, когда прежде всего совершенно необходима организация непосредственной писательской учебы.

ЛОКАФ правильно учел этот исторический момент в биографии нашего литературного движения. Организованные МосЛОКАФ трехмесячные военные курсы дают возможность писателю пройти провеленную военно-политических наук и быть во всеоружии метода при подходе к любой военной проблеме.

Курсы охватывают четыре цикла: а) ФИЛОСОФСКИЙ, посвященный марксистскому анализу войны и ее характера и в связи с этим — освещению концепции войны в поэмах и романах Пушкина, Лермонтова, Марлинского, Толстого, Стендаля, Золя, Гюго, Мопасса а, Гаршина, Куприна, Андреева, а также в пр изведениях современной литературы; б) ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ, охватывающий вопросы организации Красной армии, организации вооруженных сил соседних держав, борьбы Коминтерна с военной опасностью, обзора фронтов гражданской войны и т. д.; в) ПЕЧАТИ И ВОЙНА и, наконец, г) ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКИЙ, освещающий историю и теорию военного искусства, вплоть до самых последних новелл в этой области (фулеровщина и пр.).

Курсы заканчиваются экскурсиями в армейские части всех родов оружия и военно-литературной игрой.

Среди писателей-локафовцев имеются люди, никогда не нюхавшие пороха. Для них военные курсы откроют совершенно своеобразный мир понятий, отношений, задач и специфики их разрешений.

Есть среди писателей и ветераны гражданской войны, занимавшие высокие посты командиров бригад и начальников дивизий. Этим военные курсы дадут возможность убедиться в быстром росте военных знаний и помогут преодолеть создавшуюся отсталость их боевого кругозора.

Таким образом, военные курсы нужны всем категориям локафовцев, и тем, которые лихо строчат: «Свежевые казаки несясь бешеным карьером, пришпоривая шенкеля и выдирая из кобуры «петрянную» саблю Максима». И тем, военная тактика которых недалеко ушла от принципа «окружить и до речки!»

Военная эрудиция, необходимая локафовцу вообще приобретает сейчас особое значение в связи с выдвинутой партией задачей создания «Истории гражданской войны». Военные курсы помогут этому заданию и предупредят возможность появления большого процента неизбежного брака.

Ликвидируем же военную неграмотность в писательских рядах. Ни одного локафовца вне курсов!

ИЛЬЯ СЕЛЬВИНСКИЙ

ЛИЦО ПРИСПОСОБЛЕНЦА

Благородному негодованию супругов Балагиных не было границ.

— Его, общественника, подлинного «союзника» изгоняют из ВССП! Что скажут рабочие тех заводов, которые представили его за ударную работу к премированию?

— Нет, нас не исключите! Мы уйдем сами, с гордо поднятой головой, — и они бросают на стол президиума членские билеты ВССП, одновременно потрясая портфелем с докладом «О политическом банкротстве правления ВССП», с которым они направляются в... ЦК партии.

Такова была его первая инсценировка гражданина Балагина, «лебединая песнь» Ивана Александровича Хлестакова и его верной подруги Марьи Антоновны.

Номер, оплошавший на его лет, не удался. Публике был немедленно установлен. Попойка и приспособленца Балагина с позором изгнали из рядов ВССП.

Им приходится признать, что апофеоз шумно закончил и спектакль продолжался слишком долго.

Балагин уже лет двадцать подвизается на литературном поприще. И нельзя отказать ему в талантливости держать нос по ветру. До революции он писал о «светлой любви», в годы гражданской войны перебравшись подальше от столицы — на Кавказ, воспевая «слава», ухаживался с англичанами, но как скоро их не стало, быстро приспособился и к новым условиям.

— Пьесу о вредителях? Пожалуйте! Балагин тут. Бездарно, но «во-время».

— Частушки о сберкассах? Есть! Неоткуда жогия «Это ксендзы все обожают».

Трудно протолкнуть свою халтуру в ГИХЛ — Балагин пробивается в Федерацию, он забивает своей халтурой задыхающуюся от безрепертуарья клубную сцену.

Где у нас такое место, где есть щель — там и Балагин.

Он не таков, как его «обделанный» Лугин, который пишет открыто контрреволюционные вещи. Нет, у Балагина внешне все «архиреволюционно», но всякий берущийся им факт нашей социалистической действительности, каждый политический лозунг опошляются, принижаются, обесцениваются.

В свое время мы писали об ошибке ряда писателей, выступивших на защиту желтого журналиста автора контрреволюционного памфлета на Ленина и реакционно-эстетской книги «Джидда» Лугина («Л. Г.» № 59, от 2 ноября 1931 г., статья «Честь мундира гражданина Лугина»). Товарищи признали свою ошибку, осудили ее и сняли свои подписи, ибо они просто были введены в заблуждение Лугиным и его друзьями.

В числе этих друзей Балагин занимает одно из первых мест. Естественно, он не захотел снять свою подпись, да еще решил дать ей «принципиальное обоснование».

Сделал Балагин это в специальном заявлении, поданном в правление ВССП. В нем он в целях защиты Лугина С жонглирует нашими политическими терминами, политическими лозунгами и выступлениями вождей, которые этот наглый пошляк перерабатывает по-своему, искажая их и перевирая. К этим пошлостям Балагин добавил еще немало в устном выступлении на собрании, хвастаясь своей «стопроцентностью», своим авторитетом, своими мнимыми связями и т. д., и т. д.

Возмущенное собрание дало жесткий отпор Балагину и единогласно подтвердило исключение его из ВССП. Однако, этого МАЛО. Нужно позаботиться о том, чтобы Балагин был совершенно изолирован от литературы. Горком писателей обязан предупредить все организации и предприятия (с которыми связан Балагин), с таким отрицательным и опасным писакой они имеют дело. Следовало бы организовать показательное разбирательство дела Балагина на одном из заводов, где он «работал».

За внешней стопроцентностью Балагина пытаются скрыть СВОЮ подлую классово-враждебную СУЩНОСТЬ. Перестройку они заменяют пристройкой, творческую работу — грязной халтурой, органическое вхождение в социалистическую практику — приспособленчеством.

Нужно снять с Балагина эти защитные одежды!

АЛ.

*

На состоявшемся 18 января расширенном заседании правления ВССП разобрались заявления исключенных из ВССП Балагина, Гоникой-Балагиной и Лугина. После доклада т. Великовского и выступлений тт. Павленко, Лидина, Сутова, Цейтлина, Ефроса, Залесского, Бройде и др. правление подтвердило исключение. В отношении других собрание Балагина признало необходимым полностью его разоблачить как в литорганизациях, так и на предприятиях, с которыми он связан.

«ИСТОРИЯ ЗАВОДОВ»

«ТРЕХГОРКА» ДЕЛИТСЯ ОПЫТОМ

Второе производственное совещание по созданию «Истории фабрик и заводов», состоявшееся 17 января в клубе писателей, было занято отчетом тт. Марголиной и Чаадаевой о проделанной работе на фабрике «Трехгорная мануфактура» и докладом т. Иезуитова о литературной форме «Истории». В широко развернувшихся прениях выступили тт. Морозов (Казанская ж. д.), Бердин («Динамо»), Лихачев (Люберецкий завод с.-х. машиностроения), Юханов (Кард оленточная фабрика), Петров («Красный пролетарий»), Муханов (Пикинская фабрика в Орехово-Зуеве), Цепинский (РИИН), Б. Левин (завод им. Маленкова), Иудов (18-я типография ОГИЗ), Бегак (швейная ф-ка им. Володарского в Баку), Рабинович (Крымская республика), Печников (завод им. 1 августа), Голев, Лапицкая, Бабушкина (Комакадемия), Лобанова (ЦБ краеведения) и тт. А. Фадеев, А. Тихонов, В. Макарьев Р. Азарх, Лебедев, Ингулов и др.

«Трехгорка» приступила к работе над созданием своей «истории» полтора года назад. Пользуясь фабричным, московским, областным и центральным архивами, печатной литературой, широко используя личные воспоминания и автобиографии рабочих, заводская комиссия по «истории» проработала материалы с момента основания фабрики до 1917 г., материалы истории революционного движения и наряду с этим истории партийных организаций и истории 1905 г. Уже почти закончена разработка материалов о гражданской войне и материалов о социалистических формах труда. Целый ряд важных тем — мобилизация внутренних ресурсов, рационализация и реконструкция фабрики и др. — находятся сейчас в стадии разработки.

Если личные воспоминания рабочих зачастую требуют помощи архивных материалов для уточнения фактов и дат, то и архивные материалы должны проверяться личными воспоминаниями рабочих, ибо архив в большей своей части оставлен нам в наследство классовым врагом, агенты которого, фиксируя факты, часто искажали их, преследуя определенную цель.

Работа на «Трехгорке» находится уже в той стадии, когда сотрудничества одной Комакадемии недостаточно. Литературная общественность должна теперь же включаться в работу. Писатели должны принять непосредственное участие в разработке и собирании автобиографических и архивных материалов, должны организоваться включиться во всю работу, чтобы быть подготовленными к редактированию сборников.

Тов. Иезуитов в своем докладе о литературной форме истории подчеркнул, что форма «Истории фабрик и заводов» должна представлять собой величайшее разнообразие, которое, конечно, никак не должно перерастить в беспланность и анархию. Наша задача — найти партийный художественный язык, эмоционально заражающий, понятный широким массам и вместе с тем связанный с высокой научностью. Диалектика говорит, что образцами здесь должны быть произведения Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина.

Вопросам, поднятым в докладе т. Иезуитова, были посвящены и выступления тт. Макарьева, Фадеева и др.

«Историю» заводов ждут массы. Живой отклик, которым было встречено в РАПП это задание ЦК партии, объясняется тем, что участие в создании «Истории» является для писателя активным включением в социалистическое строительство (В. Макарьев).

Литературная форма истории — вопрос дискуссионный. Положительного ответа ввиду отсутствия опыта сейчас дать нельзя. Его дадут конкретные, живые результаты работы (А. Фадеев).

О первых шагах работы рассказали представители Люберецкого завода, завода им. Маленкова, завода им. 1 августа, инструментального и др. Внесены предложения: организовать при главной редакции консультационное бюро, которое должно оказывать помощь предприятиям, только приступающим к созданию «Истории», и организовать производственные совещания непосредственно на предприятиях.

Е. ПЕЛЬСОН

«МОЛЬ» В ТЕАТРЕ ЗАВАДСКОГО

Капитан Бонарио ободрен. Капитан Бонарио потрясен в своих рыцарских чувствах. Но рыцарские доблести капитана спокойно уживаются с «доблестями» его почтенного отца, ростовщика Карвалино. А «доблесть» ростовщика — накопление денег, стяжательство. Это — цель, смысл жизни. Но ной жизни, каких людей, какой эпохи?

Автор комедии «Вольпоне» — Бен Джонсон жил во времена Елизаветы, когда в Англии утверждалась новая культура торгового капитализма, когда поднимавшаяся английская буржуазия вытесняла с исторической арены феодальную аристократию. Бен Джонсон — представитель новой социальной силы — буржуазии. Его буржуазная ортодоксальность выражается не только в тематике, но и в характере действующих лиц, в попытках ввести новую форму драмы в той струе демократизма, которая присуща большинству его пьес. Правда, политическая заостренность его произведений не столь определенна, как в произведениях пуританина Мильтона, но тем не менее идейная сторона его творчества полностью буржуазна.

В комедиях «Вольпоне», «Алхимик» Бен Джонсон выступает моралистом. Если мы вспомним, что комедия «Вольпоне» писалась в пору царствования короля Якова I, т. е. тогда, когда разразился один из первых экономических кризисов в Англии, то станет совершенно понятной та сила обличительного сарказма, с которой поэт обрушивается против отрицательных (с точки зрения интересов буржуазного развития страны) черт современного ему общества.

По существу, — проповедывая, Бен Джонсон не знал, что «протестовать» сатиру. Поэтому проповедь его неконкретна, расплывчата, абстрактна. Девизом многих его комедий были слова: «Бичевать уверенной рукой пороки своего времени и показать всем этим обезьянам их портрет, отраженный в зеркале размером в сцену».

«Вольпоне» — комедия, направленная против ростовщичества, стяжательства, против накапливания золота как самоцели в жизни. Характер пьесы обличительный, высмеивающий суетность человеческих (буржуазных) вожделений.

В пьесе выступают представители «третьего» сословия. Здесь и венецианский негоциант, и венецианский купец, и ростовщик, и проститутка. В пьесе нет ни одного представителя аристократии, даже «благородный» капитан Бонарио, который также подвержен власти золота, и тот является сыном ростовщика Карвалино.

Мы не будем сравнивать первоначальные тексты пьесы Бен Джонсона с тем, по которому играют в театре Завадского. Здесь несомненно чувствуются поздние наслоения (Стефана Цвейга и др.).

В этом спектакле основное — режиссерская трактовка, те элементы сценического действия, назначение которых «связать» бен-джонсоновскую комедию с нашим временем. Чтобы донести идею спектакля до зрителя так, как ее понимает театр, постановщик ввел «семерку» от театра. В их задачу входит сопоставить бен-джонсоновских героев с их духовными «наследниками» в наше время. В этом же плане надо понимать современные костюмы некоторых персонажей, интересно задуманную установку суда и т. п. Это подчеркивает и сам постановщик, заявляя: «Этими положениями (переписка с сегодняшним Западом. — В. З.) определяется и наш постановочный план. Мы хотим показать ярко театральный спектакль, внешние приемы которого допускают возможность перехода от исторического облика событий к концу спектакля в сегодняшний день так, чтобы и зритель поверил, что это могло бы быть и сейчас. Выявляется это оформление путем условного изменения костюмов, частей декорации и т. д.».

Интересная мысль? Безусловно. Весь вопрос заключается в том, как интерпретирует «перекличка» событий, происходящих в пьесе с 300 летней давностью с сегодняшним Западом. По этой линии и нужно вести анализ спектакля.

В спектакле есть две линии. Одна — авторская, принадлежащая самому Бен Джонсону, и заключается она в морализации, в показе отрицательных страстей буржуа. Эта линия целиком находится в рамках буржуазных взглядов Бен Джонсона.

Другая идет от театра, от авторов спектакля. Она более сложна и дискуссионна.

Возникает вопрос — насколько первоначальный текст подвергся переработке? Замысел постановщика заключался в том чтобы события пьесы Бен Джонсона как-то включить в события «сегодняшнего» Запада. Удался ли этот замысел? Внешне, как мы указали выше, удался. Но если мы обратимся к анализу выполнения этого замысла, увидим, что в конечном итоге авторы спектакля почти не поднялись выше идей самого Бен Джонсона. Прежде всего, сомнение вызывает введение в спектакль «представителей» от театра. Семерка молодцов, весьма похожих на сикофантов, повторяют, дополняют те же самые реплики, которые мы слышим от бен-джонсоновских стяжателей. Нет никаких доказательств того, что эта семерка выражает отношение театра к теме.

Но это деталь, важное другое. Смысл бен-джонсоновской комедии, включенной на плане бытовых подробностей, достаточно модернизированной и остетизированной, облекается внутренней символикой, которая подчас звучит мистически. Почему? Да потому, что «роковая сила» золота в спектакле самодовлеет, заключает в себе какие-то неизмеримые силы, одинаково держащие в четырех-чиях и всех персонажей пьесы, и представителей театра — семерку. Звон и блеск золота сливается с блеском позументов гроба, смертного ложа, распятия. Эти внутренние сумрачные полутона спектакля затемняют его легкость, игривость, задорность.

Проблема собственности, жажда наживы, страсть к золоту теряют свой социальный классовый характер и приобретают значение вечной общечеловеческой, внеклассовой проблемы. Зритель теряет нить в понимании проблемы спектакля (собственность, стяжательство) как проблемы политической, как проблемы, имеющей актуальность только при существовании классового общества эксплоататоров. Деньги, сверкающие в сундуках Вольпоне и Карвалино, теряют свое классово-социальное значение и приобретают значение «вещи в себе».

Таким образом мы видим, что постановщик, сделав попытку переработать, осовременить Бен Джонсона, пошел по неправильному пути. Ошибка его заключается в том, что он не сумел так построить интермедии, чтобы они особенно более естественный пробел мироощущения Бен Джонсона, чтобы в этих интермедиях вскрывалась классовая сторона спектакля, чтобы «семерка» от театра действительно вскрывала социально-классовую сторону проблемы собственности, т. е. ее эксплоататорскую сущность. Этого, к сожалению, нет в спектакле. И в этом его существеннейший изъян. Но не «поправив» классика, постановщик (вольно или невольно) «поправил» наше понимание проблемы собственности, придав ей какое-то внутреннее самодовлеющее значение.

Более удачно разрешена проблема морали в отношениях мужчины и женщины. Здесь много изящной, живой сатиры.

Не соглашаясь с идейным толкованием постановки, мы одновременно должны признать чисто-театральную удачу спектакля. После пьес современной тематики «Пр. ба», «Ширтин», актерский коллектив развернул демонстрацию своих художественных возможностей в спектакле буфонадного характера. Игра почти всего ансамбля до конца выдерживается в одном художественном плане, в хорошем темпе. Правда, временами чувствуется выпадение из тона отдельных актеров, но поскольку игра ведется в условном стиле, это не особенно диссонирует. Такой упрек мы можем послать по адресу т. Шмыгаева («Вольпоне»), в голосе которого иногда проскальзывали интонации, ни в какой мере не характерные для изображаемого персонажа.

Из отдельных исполнителей надо отметить т. Марецкую (Карина). В художественных средствах актрисы нашлось достаточное количество красок для модернизированного образа венецианской гризетки. Тонкая нюансировка переходов настроения капризной, своенравной Карины вполне удается исполнительнице. Отличен судья (Куренин), слуга Моска (Федейский).

Роль купца Корвино (Баташев) явно передержана в «идеологических» тонах.

В постановке удачна трактовка сцены в суде, особенно роли судьи. Поседевшая судьи тонко символизирует сущность классового суда всех времен и народов, вплоть до юстиции самой «демократической» современной страны САСШ. В этом же плане дана и задняя часть сценической установки суда — ложи зрительного зала.

Внешний стиль постановки выдержан в тонах комедии масок.

Но ни отличная игра актеров, ни отдельные удачные места работы постановщика не устраняют основного дефекта спектакля, дефекта идейного толкования и дополнения Бен Джонсона.

В. ЗАЛЕССКИЙ

БЕСПРИЗОРНАЯ ТРИБУНА

Основная задача клуба писателей ФОСП им. Горького — осуществление ПОЛИТИКО-ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ работы с писателями, литкружковцами, рабочими-ударниками, привлеченными в литературу.

Вряд ли нужно особо характеризовать здесь все ЗНАЧЕНИЕ и всю ОТВЕТСТВЕННОСТЬ этой задачи.

После так наступившей дискуссии, указания ЦО партии «Правда», решения недавнего пленума РАПП со всей четкостью обязывая весь литературный фронт произвести производственно-творческую перестройку. Это в полной мере относится и к писательскому клубу. И правление клуба делает в этом направлении первые шаги.

В частности, в клубе проводятся литературно-творческие декадники писателей и поэтов. Идея, которую нужно всячески ПРИВЕТСТВОВАТЬ.

Писатели отнеслись с большим интересом к новому начинанию клуба ФОСП. Декадники для писателя — это ВЫХОД В ЧИТАТЕЛЬСКУЮ АУДИТОРИЮ, возможность УЧЕСТЬ ЧИТАТЕЛЬСКИЕ ИНТЕРЕСЫ, ПРОВЕРИТЬ НОВЫЕ ВЕЩИ, ОБСУЖДЕНИЕ и КРИТИКА произведений писателя на декадниках — это помощь его творческому росту, одна из форм воспитательной работы с ним. Именно ЭТОГО ждет писатель от декадников клуба ФОСП.

Однако...

*

Обсуждение творчества писателей на декадниках систематически СРЫВАЕТСЯ: прения не обеспечены участниками. Некоторые декадники не свободны от неприятного привкуса отстоявшей РЕКЛАМЫ: после хвалебного доклада следует авторская читка, заканчивающаяся «юбилейным» незаметного случайного председателя. «Чествуемый» писатель оказывается в этом положении.

В этом смысле очень характерен и последний декадник А. С. Новикова-Прибоя.

Докладчик В. Бабчевский чрезвычайно АПОЛОГЕТИЧЕСКИ подошел к творчеству Новикова-Прибоя, крупного писателя, но, весь не лишенного, однако, и значительных НЕДОСТАТКОВ!

БОЛЬШОЙ ИНТЕРЕС вызвали выступления А. С. Новикова-Прибоя о его планах по русско-японской войне и на корабле «Орел». Участие в этой работе несудовых военных оснований для написания романа «Цусима».

Аудитория живо... отвечает в приветствовать и присутствовавших на декаднике участников событий этого романа, сотоварищей Новикова-Прибоя по японскому походу, в том числе и бывшего боцмана Максима Ивановича Воеводина, которому царское командование поручило, следить за политически неблагонадежным баталером Новиковым и который не предал его, а стал его единомышленником и помощником.

Эта часть вечера была ИНТЕРЕСНОЙ, но после чтения произведений автором и артистами АПОЛОГИЧНО выступил инженер, фамилию которого не счел нужным объявить, ни даже спросить председатель. Инженер непродуманно сопоставлял почему-то творчество Новикова-Прибоя с творчеством Буданцева, рассуждал о ненужности обращения для писателя, потом рассказал, что он Новикову-Прибою — земляк...

Из исследательствований П. С. Когана явилось все это букетом восторженных высказываний на тему о том, какое «УДИВИТЕЛЬНОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ЭМОЦИЙ» вызвали присутствовавшие на декаднике! Отдельные факты и герои из открывков произведений Новикова-Прибоя возбуждали, нежели, поверхностно грусть, негодование, смех, жалость!!!

В заключительном аккорде своей речи председательствовавший заявил, что А. Новиков-Прибой является едва ли не единственным подлинным учителем в области пролетарского творческого метода...

*

Почему литдекадники клуба ФОСП не обеспечены твердым руководством? Почему трибуна клуба по существу беспризорна?

Клуб перешел на хозрасчет. Клуб сейчас не получает никакой материальной поддержки со стороны ФОСП и литорганизаций. ПЛАТНЫЕ литдекадники и которых КАССОВАЯ публика заполняет клубный зал, коммерческая эксплоатация его, его ряд подобных предприятий — таковы источники существования клуба.

Нисколько уже клуб лишен и какого-либо ПОЛИТИЧЕСКОГО руководства со стороны ФОСП. КЛУБ ПОЛНОСТЬЮ ПРЕДОСТАВЛЕН САМОМУ СЕБЕ.

Отсюда — все качества. Отсюда — беспризорность, самотек.

Пришлось бы, не давние события в Доме печати должны быть учтены ФОСП, которая ОБЯЗАНА РУКОВОДИТЬ ЦЕНТРАЛЬНЫМ ПИСАТЕЛЬСКИМ КЛУБОМ.

Но ФОСП не проявляет здесь необходимой ПАРТИЙНОЙ БДИТЕЛЬНОСТИ. Трибуна ФОСП беспризорна.

Д. КАЛЬМ

ВЫЗОВ

Международное об'единение революционных писателей выпускает 25 февраля, в Международный день борьбы с безработицей, однодневную газету на трех языках «КРИЗИС и СТРОИТЕЛЬСТВО». Учитывая политическое значение этой газеты, мы обязуемся не позже 1 февраля представить в МОРП материал для нее: рассказы, очерки, стихи о социалистическом строительстве СССР и вызываем сделать то же самое следующих товарищей: А. СЕРАФИМОВИЧА, А. ПАНФЕРОВА, А. ФАДЕЕВА, Ю. ЛИБЕДИНСКОГО, В. ИЛЬЕНКОВА, А. ИСБАХА, Н. ОГНЕВА, Б. ГАЛИНА.

АННА КАРАВАЕВА, В. СУРКОВ, А. БЕЗЫМЕНСКИЙ, Н. АСЕЕВ, А. ГИДАШ

О ПРЕДИСЛОВИИ Н. АСЕЕВА К КНИГЕ П. ЖЕЛЕЗНОВА

В «Литературной газете» за 18 января 1932 г., в отчете о собрании актива МАПП в связи с письмом т. Сталина, приводилось выступление И. Боровского, который указал на ошибочное предисловие Н. Асеева к книжке стихов Железнова «От пера в перу». В этом предисловии Н. Асеев выражает реакционные по существу идеи, утверждая бывшего беспризорника, вырастающего в поэта, примириться с «тяжкими ударами», которые наносит современная эпоха».

Ознакомившись с предисловием т. Н. Асеева к книжке П. Железнова, редакция «Л. Г.» отмечает, что выступление И. Боровского было неправильным. Предисловие последнего не дает оснований для такой его квалификации, которая дана И. Боровским.

Приводим место из предисловия у. Асеева, критиковавшегося т. Боровским:

«Я не буду восторгаться ни в проповедовании с ним перемен, но эпоха, которая ведет человека от воровства и беспризорничества к станку и перу, эпоха, умеющая волокий, поросшей, бесцельной власти превратить к умеренный и рабочий, эта эпоха заслуживает и много ее выносливости. Сохраняющим же творческий уговор, товарищ Железнов, никогда не обижаться на эту эпоху, забыть все беды и обиды, которые в прошлом мы испытали в тех или иных передрягах, и всем упорством своих выданное, строк, дул, был поможет ей и ее людям».

Редакция считает, что никаких «реакционных идей» в этих мыслях не содержится.

РЕДАКЦИЯ «Л. Г.»

ОТ РЕДАКЦИИ

В прошлом номере «Литературной газеты» был помещен отчет о совещании в редакции журнала «Смена», посвященном обсуждению задач работы журнала. Этот отчет извращает действительное положение вещей, утверждая, что на совещании «Смене» дали такую оценку: «Конструктивизм, формализм, эстетство, халтура, самотек — вот что в настоящее время характерно для журнала».

На самом деле говорилось лишь об элементах этих явлений в работе журнала, ни них, а также на ряд других, указывалось как на отдельные ошибки при общей в основном правильной линии журнала.

Заключительная часть отчета неверно ориентирует читателя в задачах «Смены», призывая редакцию вернуть журналу «то организующее значение», которое он имел в 1928-29 гг. Здесь не учитываются новые далеко более сложные, чем в 1928-29 гг., задачи «Смены».

Редакция признает критику, данную этому отчету «К. П.» (№ 16 от 18 января), правильной.

На сотрудника, давшего отчет, наложено административное взыскание.

ИЗВЕЩЕНИЯ

В КЛУБЕ ПИСАТЕЛЕЙ

22 января — 18 ч. — марксистско-литературоведческий семинар Горкома.

23 января — 19 ч. 45 м. — А. В. Луначарский тематический «Искусство современного Запада» (литература, театр, кино, изобразительные искусства).

23 января — 19 ч. — альманах «Вчера и сегодня».

24 января — открытое критического совещания РАПП.

25 января — 19 ч. — марксистско-литературоведческий семинар Горкома.

26 января — 19 ч. 45 м. — 5-й декадник поэта. Вадим Каменский. Вступительное слово Б. М. Киреева. Председатель К. Зелинский.

27 января — 19 ч. 45 м. — конференция литударников и писателей. а) О задачах художественной литературы в разные устройства период с обсуждением тематических планов изд. секторов. б) О работе с литударниками и обсуждение тематического плана и библиотеки в помощь литударникам.

27 января — марксистско-литературоведческий семинар.

27 января — 19 ч. — центральный лит кружок МОНЦП.

27 января — 19 ч. — кружок «Колыбай».

28 января — 19 ч. 45 м. — 6-й декадник художественного чтения. Вечерний дуэт Нина Эфрос и Петр Ярославцев. Обсуждение под председательством проф. А. К. Шнейдера.

*

Секция детских писателей МАПП созывает первое свое производственное совещание выпуск в детском театре, 23 января в 16 ч. будет заслушан доклад художественного театра Бауманского района работы ребят, в дополнение отчетов о совместной работе ... Театр ТЮЗ. На совещание приглашены работники и кружковцы детских театров, много художественников детских театров, педагоги, режиссеры, композиторы, театральные, представители печати и др.

* Членам жилстройкооперации Горкома писателей необходимо к 1 февраля представить в правление следующие справки: 1. О заработной плате за 1931 года. 2. Об общей сумме заработка за год. 3. Справку домоуправления о занимаемой площади.

* При ФОСП и Горкома писателей организовано бюро секции научных работников, объединяющей всех писателей, зарегистрированных в Горкоме и не состоящих в научных учреждениях.

* 23 января — 18 ч. собрание литкружка «Вальцовка» (завод «Серп и молот»). 1. О работе над книгой «История завода». 2. Н. Пальмов читает очерк о заводе. Приглашаются рабкоры.

* Штаб по призыву ударников в драматургию при Всероскомдраме проводит регистрацию молодых и начинающих драматургов в целях оказания им учебно-методической помощи. Зарегистрироваться можно почтовой открыткой с указанием ... фамилии, места работы и местожительства. Адрес: Москва, центр Тверской бульвар, 25, Всероскомдрам, Журину.

31 ЯНВАРЯ, в 18 ч. — в помещении секретариата ФОСП, редакция «Литературной газеты» созывает совещание писателей и критиков по вопросу: «Пути перестройки «Л. Г.» в свете общей перестройки работы литературных организаций».

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. Асеев, С. Динамов, В. Залесский, О. Колесникова, А. Малышкин, Н. Огнев, М. Рессовский, А. Селивановский, И. Сельвинский, М. Слонимский, М. Субоцкий, С. Третьяков, Г. Тарнан.

ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное объединение.

Ответственный редактор А. СЕЛИВАНОВСКИЙ.

ГНТИ КНИГОЦЕНТР

Одним из самых могучих средств технической пропаганды является техническая литература.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1932 год на ежемесячные журналы Сектора пропаганды тех.-технич. прогресса для ВСНХ СССР

ТЕХНИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ

(Методика и практика).

Задачи журнала: дать авторам, органам нашей промышленности установку работы, в этой методике с дерективными партии о технической пропаганде. Информировать о формах и методах тех. информации на Западе.

В программе журнала: Общий отдел. Методика и инструкции. Обзор состояния работы по техинформации и общей работы. По фирмам и заводам. Опыт к помощи Кадры. Обзор. Хроника. Консультация. Библиография. Справочный отдел. Офиц. отдел.

Подписная цена: на год — 15 р., на 6 мес. — 7 р. 50 к., на 3 мес. — 3 р. 75 к.

ТЕХНИЧЕСКУЮ КНИГУ

Задачи журнала: Организация рабочего и колхозника, агитатора, общественника. Консультант ... по технической литературой. Изучение читательских интересов.

В программе журнала: Статьи по основным вопросам тех. литературы. Массовый отдел, обзоры тех. литературы по отдельным отраслям. Производство тех. книг и журналов. Школа рабочего-автора. Новые книги по технике.

Подписная цена: на год — 2 р. 50 к., на 6 м. — 1 р. 25 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ С № 1 С ЯНВАРЯ ВСЕМИ ОТДЕЛЕНИЯМИ, МАГАЗИНАМИ, КИОСКАМИ И УПОЛНОМОЧЕННЫМИ КНИГОЦЕНТРА, ПОЧТОЙ И ПИСЬМОНОСЦАМИ.

НАРКОМПРОС ТУРКМЕНСКОЙ ССР ОБ'ЯВЛЯЕТ КОНКУРС

на сочинение драматической пьесы для Туркменского Национального театра.

ЗАДАЧИ КОНКУРСА: 1) Приблизить к национальному театру лучшие литературные силы Союза ССР.
2) Дать национальному театру выдержанную тематически и художественно пьесу ... и тем самым способствовать дальнейшему росту театра.

ТЕМАТИКА КОНКУРСА: 1) Хлопковая ... и ... на ... в ... на этой почве кулачества.
2) Борьба за фактическое раскрепощение женщины Востока и участие ее в социалистическом строительстве.
3) Быт ... [illegible].
4) Борьба с пережитками быта, создание нового человека путем действие среды, роль коллектива.
5) ... и борьба с басмачеством в Средней Азии.
6) Борьба с религиозными дурманом.

Пьеса может быть написана на русском или туркменском языке.

УСЛОВИЯ КОНКУРСА: 1) Сочинения представляются на конкурс в запечатанном конверте под девизом не позднее 1-го апреля 1932 г. ... Ашхабад, Туркменская ССР, Ретеатр, Пушкинская ул., 16 ...
2) Результаты конкурса будут объявлены в течение мая 1932 года.
3) За сочинения, одобренные жюри, устанавливаются ПЯТЬ ПРЕМИЙ: 1-я — 2.000 р., 2-я — 1.500 р., 3-я — 1.000 р., 4-я — 750 р. и 5-я — 500 р.
4) В случае приема пьесы ... театрах — авторский гонорар ... на общих основаниях.
5) Жюри конкурса утверждается НКП ТССР.
6) За всеми справками обращаться в гор. Ашхабад, Ретеатр НКП (Пушкинская, 16).

Наркомпрос Туркменской ССР.

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО „НЬЮ-ЙОРК"

ПРИСТУПИЛО К РАСЧЕТАМ ПО ПОЛИСАМ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН

По желанию полисодержателей 75% следуемой им суммы будут оплачены ордерами ТОРГСИНА. Прием новых полисов производится до 1 апреля 1932 г. в А/О Кредит-Бюро помещ. Госбанка Неглинная, 12, письменно Главный почтамт, почтовый ящик 363 и конторами отделениями и агентствами Госбанка и сберкассами по всему СССР.

Кроме того А/О Кредит-Бюро ведет наследственные и претензионные дела советских граждан во всех странах мира.

Молодая гвардия книготоргового объединения

В январе выходит из печати № 1 ежемесячного литературно-художественного, общественно-политического и научно-популярного журнала

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

орган ЦК ВЛКСМ и ЦК МОПР. Год издания X-й.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1932 г.

Подписная цена: на год — 9 р. 60 к., на 6 м. — 4 р. 80 к., на 3 м. — 2 р. 40 к. Отдельный номер ... руб.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ всеми магазинами и отделениями книготоргового объединения, на почте и письмоносцами.

„СОВЕТСКИЙ ТЕАТР"

Ежемесячный общественно-политический журнал по вопросам театра и марксистского театроведения.

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА: вооружать пролетарский культфронт для борьбы за подлинно советский ... театр на основе ... , за социалистическую реконструкцию всей театральной культуры и вооружать театральной политикой для борьбы с школярством и оппортунизмом в театре, с механистическими теориями, за диалектический метод в театре.

ОТДЕЛЫ ЖУРНАЛА: Статьи по вопросам творческого метода, критические обзоры театпостановок, дискуссии, характеристика театров и отдельных ... о театре СССР и зарубежных, новые пьесы, библиография, мемуары, ... страница.

Журнал богато иллюстрирован.

С 1-го января 1932 года ... издается Журнально-газетным объединением.

ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСКИ на 1932 год.

Подписная цена: 12 мес. — 9 р., 6 м. — 4 р., 3 мес. — 2 р.

Отдельный номер — 75 коп.

Подписка принимается только почтой ... указанного ею срока.

Журнально-газетное Объединение.

КНИГОЦЕНТР

ОТКРЫТА на 1932 год ПОДПИСКА на критико-библиографический журнал БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ОГИЗ

КНИГА СТРОИТЕЛЯМ СОЦИАЛИЗМА

ЖУРНАЛ будет помещать критические отзывы на текущую книжную продукцию, тематические обзоры литературы по важнейшим вопросам, рекомендательные списки литературы к политическим кампаниям, статьи по вопросам качества книги.

ЖУРНАЛ будет выходить 9-ю отдельными изданиями в целях возможно более полного освещения литературы и дифференцированного обслуживания различных кругов читателей:

1. «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА». Издание дает критические отзывы и обзоры произведений художественной литературы (проза, поэзия, пьесы), книг по литературоведению и критике, изоискусству, театральному и киноискусству.

2. «ИЗОПРОДУКЦИЯ И ЛИТЕРАТУРА ПО ИЗОИСКУССТВУ». Издание дает критические отзывы и обзоры о плакатах, художественных открытках, воспроизведениях картин и вообще о всех видах массовой изопродукции, а также о книгах по вопросам изобразительного искусства.

3. «СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА». 4. «УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА». 5. «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА». Подписная цена на каждое из этих изданий: На год — 36 №№ — 7 р., на 6 мес. — 18 №№ — 3 р. 50 к., на 3 мес. — 9 №№ — 1 р. 75 к. Отдельный номер — 25 коп.

6. ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА». 7. «НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА». Подписная цена на каждое из этих изданий: На год — 36 №№ — 9 р., на 6 мес. — 18 №№ — 4 р. 50 к., на 3 мес. — 9 №№ — 2 р. 25 к. Отдельный номер — 30 к.

8. «ВОЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА». Подписная цена: на год — 24 №№ — 5 р., на 6 мес. — 12 №№ — 2 р. 50 к., на 3 мес. — 6 №№ — 1 р. 25 к. Отдельный номер — 25 к.

9. «ЛИТЕРАТУРА ПО МЕДИЦИНЕ И ФИЗКУЛЬТУРЕ». Подписная цена: на год — 24 №№ — 3 р., на 6 мес. — 12 №№ — 1 р. 50 к., на 3 мес. — 6 №№ — 75 к.

Отдельный номер — 15 к.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ПОЛНЫЙ КОМПЛЕКТ (все 9 изданий) ЖУРНАЛА „КНИГА — СТРОИТЕЛЯМ СОЦИАЛИЗМА"

300 номеров в год: на год — 40 р., на 6 мес. — 20 р., на 3 мес. — 10 р.

Подписка принимается во всех отделениях, магазинах и киосках Книгоцентра и его уполномоченными, а также на почте и письмоносцами.

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ И ПОСТУПИЛ В ПРОДАЖУ № 1—2 ЖУРНАЛА

„За материальную базу печати"

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА:

ПЕРЕДОВАЯ — Наши ближайшие задачи.
МАНДЕЛЬШТЕЙГ Г. Б. — Спуск без тормозов (к контрольным цифрам бумажной промышленности на 1932 г.).
МОГИЛЕВСКИЙ А. — Бумажная промышленность в 1931 г.
ЛИТВИН А. — Книжно-журнальная продукция за 1930 год.
АНФИЛОВ Г. — Книготорговля на смену книгораспределению.
ПЛАНОВИК — Распространение периодики перед судом государственным и общественным.
ФЕДОРОВ Б. — Союзпечать на путях перестройки.
ГОЛОМБ Э. — Центральный совет по распространению печати.
Советская книга в 1930 г. (материалы Центральной книжной палаты)
и целый ряд других статей.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1932 год.

12 мес. — 10 р., 6 мес. — 5 р., 3 мес. — 2 р. 50 к.

Розничная цена номера — 1 р.

Требуйте во всех киосках.

Подписка принимается только почтой за ... установленного ею срока, комплектом с начала текущего года.

ЖУРНАЛЬНО-ГАЗЕТНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ.